

0-735524
Яценко

На правах рукописи

Яценко Сергей Александрович

**КОСТЮМ ИРАНОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ ДРЕВНОСТИ
И МЕТОДЫ ЕГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ**

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва, 2002

Работа выполнена на кафедре истории и теории культуры
Российского государственного гуманитарного университета

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук *А.Ю. Алексеев*

доктор исторических наук, профессор,

академик АН Республики Таджикистан *Б.А. Литвинский*

доктор исторических наук, профессор *А.П. Медведев*

Ведущая организация: Государственный музей Востока

Защита состоится 16 декабря 2002 г. в 15-00 часов

на заседании диссертационного совета Д.212.198.06

при Российском государственном гуманитарном университете

по адресу: 125267, Москва, Миусская пл., 6.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Российского
государственного гуманитарного университета

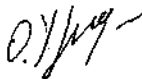
Автореферат разослан

11 ноября 2002 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

кандидат культурологии

О.Б. Христофорова

1. Постановка проблемы. Актуальность темы исследования.

Костюм доиндустриальных обществ является одним из важнейших элементов человеческой культуры, объединяя в себе функции *социальные* (половозрастной, сословный, профессиональный, этнический и конфессиональный определитель; показатель личных заслуг; хранитель серии наиболее ценных вещей хозяина), *биологические* (защита от погодных условий и сексуальных домогательств), *сакральные* (магическая защита хозяина, обеспечение плодородия, модель мироздания), *эстетические* (воплощение эстетического идеала этноса и личных вкусов заказчика и/или мастера; одна из основных сфер приложения труда ювелиров, высококвалифицированных ткачей и вышивальщиц) и *ролевые* (характеризующие статус носителя в различных ситуациях).

Одежда - одно из важных отличий человека от представителей животного мира. Распространенное отнесение костюма прежде всего к сфере т.н. *материальной культуры* (во многом заданное в восточноевропейских странах идеологическими установками марксизма) весьма условно: хорошо известно, что на значительной части территории нашей планеты, в регионах с теплым климатом, никакой объективной необходимости в ношении одежды не было и нет, и там костюм изначально выполнял исключительно знаковые и сакральные функции. Костюм является одним из наиболее ярких проявлений культуры, сочетающим в себе технологическую сторону и высокое искусство. Издревле у многих этносов именно костюм считался одновременно самым красивым и удобным элементом бытового окружения; ради соответствия определенным стандартам люди готовы были идти на разнообразные жертвы и даже терпеть возникающие из-за этого недуги. Слова Квинтилиана «одежда делает человека» справедливы в любые времена и в любом регионе мира. Каждому неоднократно приходится убеждаться на собственном опыте, к чему приводят «на людях» подчас даже незначительные отступления от принятых в данном обществе требований к оформлению одежды или прически, неожиданные поломки отдельных ее деталей и т.п.

Кроме прочего, костюм дает в руки ученых ценнейшие (часто - незаменимые) сведения об этногенезе, культурных связях и эстетических идеалах отдельных народов, являясь важным историко-культурным источником. Предметы одежды служили дипломатическими дарами и объектами торговли, они перемещались вместе с пленниками и выданными замуж женщинами. Детали костюма великих империй и представителей малых, но активных «торговых» народов (греки, согдийцы) служили объектом подражания для соседей. Изучение истории древнего костюма (которым занимается формирующаяся ныне дисциплина - *палеокостюмология*) - источник полезных сведений и вдохновения для современных кутюрье, театральных и кинохудожников, ювелиров, искусствоведов, экспертов по антиквариату и др., оно вызывает большой интерес и у широкой публики.

Ярким явлением в мировой культуре является серия этнических костюмных комплексов различных *ираноязычных (в краткой форме - иранских) народов* поздней древности и раннего средневековья. В это время они составляли одну из крупнейших языковых и культурных групп человечества из многих десятков этносов, занимавшую до 1/4 территории Евразии - от Монголии и Саяно-Алтая на востоке до Венгрии и Ирана на западе, границ Индии - на юге. В древности костюм *иранцев* по праву считался одним из самых роскошных, отличаясь сложными формами и обильным, разнообразным декором из золотых аппликаций, парчи, вышивки жемчугом и цветным бисером, драгоценных ярких тканей, головных уборов со скульптурками животных. Он часто являлся объектом плохого скрываемой зависти и подражаний ближних и дальних народов Запада и Востока. Изначально (в эпоху бронзы) искусство ираноязычных этносов, за исключением орнамента, было почти аниконическим, в частности - лишенным антропоморфных изображений. Однако со времени наступления железного века в иранском мире было создано огромное количество высокохудожественных реалистических изображений персонажей в костюме на различных изделиях; немало изображений оставлено и носителями других культур, в том числе - выполнявших соответствующие заказы. Все это объективно создает

большие возможности для реконструкции, компаративного анализа и диахронных исследований в области костюмологии. Многие иранские народы были создателями огромных многонациональных империй, проживали в зонах частых миграций или контролировали важнейшие международные торговые трассы. Это делает их костюм ценным источником для решения проблем, связанным с механизмами костюмных контактов в традиционных обществах.

Ведущая страна этого этнокультурного мира - Иран - веками претендовала на мировое господство, а ее придворные ритуалы и символика вызывали постоянные заимствования у соседей. Столь же активной была экспансия в Восточной Европе и вне ее кочевников европейских степей - скифов, а затем сарматов и аланов, яркий и оригинальный костюм которых повлиял вплоть до этнографической современности на многие народы Северного Кавказа и Восточной Европы¹. Воздействие прежних ираноязычных обитателей Западного Туркестана (Средней Азии и Казахстана) - согдийцев, бактрийцев/тохаристанцев и др. и сегодня прослеживается в облике традиционного костюма его современного тюркского населения².

2. Степень изученности темы.

На сегодняшний день доля публикаций, связанных с костюмом древних и раннесредневековых народов Евразии вполне сопоставима с публикациями по другим сферам культуры названных обществ. Однако при этом подавляющее большинство из них относится к *мелким костюмным аксессуарам*. Иначе обстоит дело с изучением *собственно одежды*: количество публикаций по ней весьма невелико. Можно назвать две основных причины этого. *Во-первых*, во многом дело в плохой сохранности всех типов дошедших до нас материалов относящихся к костюму: они фрагментарны, часто трудно интерпретируемы (причем корректная трактовка их требует длительных практических навыков и большой осторожности, знаний в нескольких смежных дисциплинах). Все это делает палеокостюмологию одной из наиболее трудоемких гуманитарных дисциплин. *Во-вторых*, материал собственно одежды (в том числе ее декор) часто внешне менее эффектен, чем хорошо сохраняющиеся аксессуары из драгоценных металлов со вставками драгоценных камней и т.п. Соответственно внимание к ювелирным вещам - костюмным аксессуарам издавна считается более престижным, чем интерес «к тряпкам». Кроме того, в бывшей Российской империи и СССР, в соответствии с представлениями прежнего церковного, а затем - партийного руководства, глубокий интерес к истории мирового костюма, к костюмной роскоши зарубежных феодальных и буржуазных и вообще - к «тряпкам» способствовал бы развитию «мещанских настроений» и/или отвлекал от коммунистического строительства (исключением было «полезное» для проведения национальной политики изучение *этнографического* костюма, в котором российские и затем советские авторы достигли значительных успехов). В результате у российских интеллектуалов приходится констатировать, по сравнению с западно-европейскими странами, определенный *недостаток понимания подлинной ценности* костюма как культурного явления и исторического источника. В самом деле, в вузах СССР учебная дисциплина «История костюма» почти не читалась; специальные костюмологические журналы в СНГ отсутствуют и сегодня (а соответствующие западные издания не представлены в библиотеках); труды ведущих зарубежных костюмологов-теоретиков никогда не переводились на русский язык.

В целом, даже костюм многих ведущих, обильно обеспеченных источниками древних этносов еще практически не изучен. Впрочем, подобная ситуация характерна и для других наибо-

¹ Бубенок О.Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI-начало XIII вв.). Киев, 1997. С. 145-150, 155, 169-170.

² Сухарева О.А. Древние черты в формах головных уборов Средней Азии // Тр. Института этнографии АН СССР. - Т. XXI. - М., 1954. С. 313, 331; Сухарева О.А. Вопросы изучения костюма народов Средней Азии // Костюм народов Средней Азии. - М., 1979. С. 7-9; Лобачева Н.П. Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи (по данным стенописей) // Костюм народов Средней Азии. - М., 1979; Лобачева Н.П. О некоторых чертах региональной общности в традиционном костюме народов Средней Азии и Казахстана // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. - М., 1989. С. 13-15.

лее известных народов древности. Так, до сих пор нет крупных специальных исследований по костюму древнего Египта, этносов Месопотамии, а костюм сотен народов древней Индии почти всегда рассматривается *суммарно*. Исключением являются костюмные комплексы «трех счастливых» – древних этнических китайцев, греков и римлян, по каждому из которых имеется серия монографий и иных крупных публикаций (основанных, главным образом, на *изобразительных* материалах).

В плане *классификации и описания элементов одежды* наибольшего внимания заслуживает советская этнографическая школа, которая, начиная с Б.А. Куфтина, уделяла подобным вопросам очень много внимания и (что немаловажно) добилась добровольного консенсуса среди большой группы исследователей. Особенность ее подхода – акцент на крепление одежды на тех или иных частях тела (и соответственно – деление ее на *плечевую и поясную*); учитываются также *особенности кроя и перечень основных предметов* и микродеталей одежды¹. Классификации предметов одежды разрабатывались в СССР в рамках плановых обобщений материалов по крупным регионам страны в процессе создания региональных этнографических атласов. Наиболее распространенные на Западе классификации одежды основаны на 5-членном ее делении и также учитывают, прежде всего, размещение одежды на теле. Многие из существующих в литературе (особенно в западной) классификаций одежды неприемлемы для автора в одних случаях из-за того, что в них последовательно не выдержан провозглашенный основной классификационный принцип (т.е. нарушена *логика* их построения). В других (предназначенных для характеристики одежды по памятникам изобразительного искусства) за основу часто взяты явно *второстепенные признаки*: форма *складок*, образемых шароварами или рукавами кафтанов и т.п. Большое значение имеют и разработки по описанию, классификации и реконструкции древней² обуви и такого специфического элемента костюма как *прическа*³.

Костюм наиболее крупных ираноязычных народов до сих пор изучен весьма слабо и при этом – крайне неравномерно. Внимание ученых сконцентрировано на немногих древних этносах (тех, от которых дошло на сегодняшний день наибольшее число эффектных золотых аксессуаров костюма из погребений знати или детализированных антропоморфных изображений). Это *скифы* Южнорусских степей (по костюму которых имеется почти 40 только специальных публикаций), *тохаристанцы* среднего течения Амударьи, *персы* времен Ахеменидов и *парфяне* Ирана. Остальные народы (по которым наука накопила подчас не меньше фактического материала, как пазырыкцы Алтая, сарматы или согдийцы, персы времен Сасанидов) исследованы в этом плане пока весьма поверхностно. Некоторые результаты изучения нашей темы были подведены к 1992 г. в серии статей к разделу «CLOTHING» I – K (древность и средневековье) для тома V «Encyclopaedia Iranica», изданного Центром иранских исследований Колумбийского

¹ Куфтин Б.А. Материальная культура русской Мещеры. – Ч. 1. – М., 1926; Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья (материалы к этногенезу). – Чебоксары, 1960; Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX – начало XX в.). – М., 1961; Махова Е.И., Русайкина С.П. Программа сбора материала для атласа по народной одежде // Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. – М., Л., 1961; Прыткова Н.Ф. Верхняя одежда // Историко-этнографический атлас Сибири. – М., Л., 1961; Прыткова Н.Ф. Программа по изучению одежды народов Сибири // Одежда народов Сибири. – Л., 1970; Лебедева Н.И., Маслова Г.С. Русская крестьянская одежда XIX – начала XX вв. // Русские. Историко-этнографический атлас. – М, 1967; Ушаков Н.В. Указатель типов одежды народов Восточной Европы (проект) // Сб. Музея антропологии и этнографии. – Т. XXXVIII. – Л., 1982.

² См., прежде всего, статьи Е.И. Остевой в Археол. сборнике Гос. Эрмитажа, Л.: Ранние находки кожаной обуви на территории Западной Европы (опыт методической разработки) (Вып. 13, 1971); К методике изучения древней кожаной обуви (Вып. 15, 1973); О семантике ритуального башмака (Вып. 19, 1978); Систематизация древней кожаной обуви (Вып. 21, 1980). См. также: Sulser W.A. A Brief History of the Shoe. – Schöneword, 1958; Василевич Г.М. Типы обуви у народов Сибири // Сб. Музея антропологии и этнографии. – Т. XXI. – Л., 1963; Volbach W.F. II tessuto dell'arte antica. – Milano, 1966; Wilson E. A history of shoe fashions: a study of shoe design in relation to costume. – London, 1969.

³ Lindvall-Nordin Ch. Perukmakeri in Kulturen. – Lund, 1972; Courtais C. Woman's Headdress and Hairstyles. – London 1973; Сыромятникова И.С. История прически. – М., 1983.

университета (Costa Mesa, 1992, pp. 719-784). Большое значение в плане развития методики имела первая в масштабах Восточной Европы конференция по исследованию «археологического» костюма (Самара, март 2000 г.).

При гигантском объеме имеющегося яркого и важного для истории культуры материала, на сегодняшний день во всем мире защищены только 4 диссертации по костюму отдельных древних ираноязычных этносов, причем в России - лишь одна из них (посвященная ираноязычному населению *частично*). По российской классификации все 4 названных диссертации - «кандидатского» ранга. Это исследования В.С. Картис «Парфянский костюм: его происхождение и классификация»¹, Г.М.Майтдиновой "Костюм раннесредневекового Тохаристана (по памятникам искусства и археологии)" (Ташкент, 1991), Л.С.Ключко "Скифский женский костюм" (Киев, 1992) и З.В.Доде "Средневековый костюм народов Центрального Предкавказья как источник по истории региона в VII-XIV вв.н.э.» (М., 1993). При этом *всесторонне* костюмный комплекс именно *одного* определенного этноса был изучен лишь в работе М.Г. Майтдиновой. Две из названных диссертаций вскоре были удачно опубликованы в виде отдельных монографий; в них большое внимание уделено графическим реконструкциям по материалам отдельных погребений. Около 40 лет назад в Иране была издана на фарси малоизвестная книга Дж.Зиапура по одежде трех династий доисламского Ирана². Следует отметить также диссертации последних лет, в которых анализ «археологического» костюма иранских народов занимает немалое место: докторская диссертация Н.В. Полосьмак по пазырыкской культуре (Новосибирск, 1997), кандидатские диссертации О.В. Бобровской (Киев, 2000) по ожерелью и подвескам черняховской культуры и О.В. Орфинской (Москва, 2001) по раннесредневековым аланским тканям Карачево-Черкессии. Значительная часть из 90 публикаций диссертанта с 1983 г. также затрагивает костюмную проблематику различных этносов прямо или косвенно.

Большинство материалов по древнему костюму ираноязычных народов представляет собой краткие замечания и отдельные наблюдения, разбросанные в очень большом количестве публикаций; во многих случаях они лишены сколько-нибудь детальной аргументации. Число их в целом столь велико, что возникает необходимость давать небольшой историографический очерк в начале *каждого параграфа* глав 1-3.

3. Предмет, цели и задачи исследования.

Предметом исследования в данной диссертации является костюм доиндустриальных обществ. *Объект* исследования - костюм *ираноязычных* (в сокращенном варианте - иранских) народов древней Евразии. *Целью* диссертации является комплексное изучение одежды наиболее полно документированных в данном аспекте ираноязычных этносов.

Основные задачи данной работы заключаются в следующем. 1) *Реконструкция облика* этнических комплексов одежды крупнейших древних этносов, относящихся к названной языковой группе. 2) Выявление *этнической специфики* одежды изучаемых народов. 3) Определение декоративных принципов и эстетического идеала конкретных этносов, отраженных в костюме. 4) Компаративный анализ костюма отдельных *синхронных* народов по *каждой из основных исторических эпох* истории доисламского иранского мира. 5) Компаративный анализ костюма отдельных этносов *в различные периоды* с целью уточнения характера эволюции и преемственности в них. 6) Ретроспективное выявление облика исходного костюма *древнейших* иранцев и «костюмных» следов проникновения иранцев на запад Ирана. 7) Анализ изображений предполагаемых представителей конкретных иранских этносов в искусстве других народов (степень достоверности передачи костюмного материала и его репрезентативность для данного этноса; уточнение специфического образа «Иного»). 8) Выяснение *типов* костюмных контактов

¹ Curtis V.S. The Parthian Costume: Origin and Distribution. Unpublished Ph.D. dissertation. London: Institute of Archaeology, University of London, 1988.

² Майтдинова Г.М. Костюм раннесредневекового Тохаристана: история и связи. - Душанбе, 1992; Доде З.В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. Очерк историк - М., 2001; Зиапур Дж. Пуршак-э-бустани-йе ираниан аз кохантерин заманта лайан-э шахишахи-йе сасаниан. - Тегеран, 1965.

древних ираноязычных народов и их различной значимости. 9) Анализ сводки данных по наименее изученным *знаковым функциям* костюма (возрастной показатель, показатель социальной стратификации; модель мироздания и символ священного животного; обряды с костюмом) с целью выявления специфики иранского мира и отдельных его народов.

4. Хронологические и тематические рамки.

Нижняя хронологическая граница исследования определяется *появлением ираноязычных народов на мировой исторической сцене* (письменные свидетельства) и особенно - появлением значительной *серии антропоморфных изображений*, относящихся к конкретному этносу. Эта граница проходит примерно в VII/VI вв. до н.э. *Верхняя хронологическая граница* исследования в целом совпадает с *исламизацией* Ирана, Западного Туркестана и частично - Кавказа в середине VII - 1-й половине VIII вв. н.э. (т.е. в целом - VII/VIII вв.) Арабским халифатом, которая (наряду с шедшей активно со 2-й половины VI в. *тюркизацией*), быстро привела к заметным переменам в костюме. При таком подходе вне рамок данной работы остается лишь один этнос с обильно документированным (и относительно хорошо изученным) костюмом - средневековые аланы.

Костюм ираноязычных этносов рассматривается в диссертации *по трем основным историческим периодам*, начинающихся с эпохи раннего железа: 1) скифо-ахеменидское время; 2) хунно-сарматское время; 3) сасанидское время и раннее средневековье. Однако трудность заключается в том, что из-за огромных размеров иранского этнокультурного мира и разнообразия происходивших в разных его частях процессов единые, хронологически узкие границы каждого из периодов для всего иранского мира установить весьма сложно, а иногда и просто невозможно: на периферии многие культурные процессы «задерживались» подчас на 1-2 столетия. Поэтому *первый период* - скифо-ахеменидское время (отраженное в главе 1) - имеет хронологические границы *в целом* - с VII/VI вв. до н.э. по 330 г. до н.э. для Ирана и юга Западного Туркестана (гибель державы Ахеменидов), по 300 г. до н.э. - для европейских степей (гибель Великой Скифии) и гораздо позже - по рубеж III-II вв. до н.э. - для кочевников Южной Сибири (военная экспансия державы Хунну) и даже до середины II в. до н.э. для части Западного Туркестана - Хорезма, бассейна Сырдарьи и Семиречья (до начала военной экспансии новых восточных пришельцев), т.е. в целом - IV/III вв. до н.э. Верхние хронологические рамки *второго периода* - хунно-сарматского времени (глава 2) установить несколько проще, т.к. границы иранского мира к тому времени стали сокращаться. Для Ирана ее граница - 224 г. н.э. - приход к власти династии Сасанидов, для Западного Туркестана - в течение III в. н.э. (начало распада крупнейших государств региона), для европейской Сарматии - много позже - 372-375 гг. н.э. (вторжение с востока гуннов), т.е. в целом - III/IV вв. н.э. *Третий хронологический период* - сасанидское время и раннее средневековье (глава 3) во многом связан с экспансией и культурным доминированием в сокращающемся иранском мире персидской державы Сасанидов, с внешней агрессией могущественных неиранских племенных группировок и государств (гуннов, тюрок, арабов, китайцев). О его верхней хронологической границе говорилось выше.

Под «древностью» в названии диссертации применительно к ираноязычным этносам подразумевается условно весь доисламский «исторический» (т.е. обеспеченный письменными источниками и антропоморфными изображениями) период их истории.

Тематические рамки исследования. Исследуется материал по 13 наиболее полно документированным этносам и группам близкородственных этносов трех названных выше основных периодов: 1) персы эпохи Ахеменидов; 2) ранние скифы; 3) скифы «классического» периода; 4) пазырыкцы Алтая; 5) хорезмийцы (трех периодов); 6) парны-парфяне Ирана; 7) сарматы и ранние аланы; 8) юэчжи / кушаны Бактрии; 9) согдийцы (второго и третьего периодов); 10) индо-скифы Гандхары; 11) персы эпохи Сасанидов; 12) хотанцы Южного Синьцзяна (второго и третьего периодов); 13) тохаристанцы (с включением иноэтничных компонентов). Огромный объем фактического материала по древнему костюму ираноязычных народов (в значительной степени необработанного) а также методологические установки диссертанта потребовали су-

шественных *ограничений* в тематике работы. Исследуются, прежде всего, предметы собственно *одежды*. Другое тематическое ограничение диктуется характером наличных источников. Как правило, при изучении одежды ключевым элементом классификации и анализа является *крой*. Однако в наших материалах он обычно вообще не отражен или документирован крайне фрагментарно (детали изображений) или предположительно (ряды декора из бляшек или бус). Впрочем, силуэт и система декора даже более информативны в плане отражения этнической специфики и межэтнических контактов, всех основных функций одежды в данных обществах.

Вне поля зрения при этом остаются: *мелкие аксессуары* костюма, их конструкция, типология и технология производства; *специфический воинский костюм*; особые *короны правителей*, специфичные по облику (как правило, эти предметы костюма весьма детально исследованы на сегодняшний день нумизматами и отчасти искусствоведами); собственно *материаловедение* - технологический анализ остатков тканей, кожи и т.п.; предполагаемая *семантика сюжетов культовых изображений* (за редкими, мало изученными исключениями, рассмотренными в главе 4.3; эта очень сложная и спорная, но эффективная тема весьма популярна сегодня в литературе; однако многие выводы авторов на сегодняшний день в принципе не проверяемы, слабо аргументированы и спорны). Вместе с тем, опыт показывает, что наряду с крупными предметами укрывающей тело *собственно одежды*, большое значение для выяснения этнокультурной специфики имеют *прическа* и иногда - *косметика* и *татуировка*. Поэтому они включены в соответствующие «этнические» параграфы. Это же относится к такому самому крупному костюмному аксессуару, как *пояс* (занимающему по ряду параметров и в некоторых ситуациях пограничное положение между собственно аксессуарами и предметами одежды).

5. Источники.

Источники по нашей теме весьма разнообразны и при этом сложны для изучения (в силу их *фрагментарности*, неоднозначности, а также неточной или неудачной передачи при современной фиксации археологами, чертежниками и фотограfiами). Поэтому почти все их виды нуждаются в частичной реконструкции и корректировке. Источники включают, прежде всего: 1) остатки предметов костюма из древних *погребений* или (много реже) поселений; 2) его *изображения* на каменных статуях, надгробных и триумфальных рельефах, терракотах, настенных росписях, парадных металлических изделиях (торевтика), монетах и геммах и т.п.; 3) *письменные источники* (труды древних авторов и эпиграфику). 4) большое значение имеют сопоставления с *этнографическим* костюмом современных народов иранской группы, сохранившим в ряде случаев чрезвычайно архаичные элементы; прежде всего, это те из них, которые оказались в своеобразных природных изолятах - горных районах (памирцы, осетины, горные таджики, курды, пуштуны) или пустынях (белуджи). 5) Ценные материалы по костюму раннесредневекового времени содержатся в крупных эпических сказаниях персов («Шах-наме» Абдула Касима Фирдоуси) и потомков аланов - осетин. Кроме того, в ряде случаев утилитарные функции и давность бытования тех или иных предметов одежды помогают лингвистические изыскания¹. Большинство анализируемых фактов выявлено в контексте археологических памятников и в той или иной мере они являются источниками *археологическими*. Между тем, как известно, последние не содержат *непосредственно* историко-культурной информации: для ее получения требуется предварительный «перевод» со специфического «языка вещей» *мертвой* культуры.

У различных изучаемых этносов, как правило, резко преобладает те или иные виды источников (например, для раннего Хотана и кушанского Согда это терракоты, для «пазырыкцев» Горного Алтая - находки подлинных предметов костюма в «вечной мерзлоте», у скифов и сармато-аланов - золотые и бусинные обшивки одежды и их изображения на предметах торевтики). Письменными источниками много лучше других обеспечен костюм персов при династии Ахе-

¹ Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. - Т. 1. - М., Л., 1949. С. 53; Widengren O. Some remarks on riding costumes and articles of dress among Iranian peoples in Antiquity // Studia Ethnographica Upsalensia. - Vol. XI. - 1956; Bailey H.W. The Culture of the Sakas in Ancient Iranian Khotan. - Delmar, 1982.

менидов. Столь разноплановый характер источников по отдельным этносам создает известные сложности при их сопоставлении. Исследование материалов того или иного этноса (занимающее отдельные параграфы глав 1-3) весьма разнилось по трудоемкости (в зависимости от количества и разнообразия источников, их доступности и степени обобщения предшественниками). Источниковая база по данной теме в последние десятилетия резко возросла за счет исследования большого количества древних погребений в различных районах иранского мира (остающихся в основном не опубликованными) или их ограбления (наиболее ценные находки оказались на крупных международных аукционах). Среди впервые привлекаемых и неопубликованных пока источников преобладают материалы из могильников восточноевропейских степей сарматского времени; их сбор и анализ были наиболее трудоемкими. Некоторые изображения неоднократно публиковались, но с разными по точности и качеству прорисовками и фото и т.п.; они в ряде случаев дополнительно изучались и зарисовывались в музейных фондах.

Письменные источники по нашей теме представлены, главным образом, разнообразными сочинениями греко-римских и отчасти византийских авторов, а также китайскими хрониками и записками знаменитых паломников (Фасьянь, Сюаньцзан), в гораздо меньшей степени - сохранившимися персидскими религиозными текстами и ранними сочинениями мусульманских авторов, касающимися последних этапов истории сасанидского Ирана, истории завоевания Согды и прошлого Хорезма. Большой и трудновосполнимой потерей является гибель после мусульманского завоевания подавляющего большинства сочинений иранского мира.

6. Методология и методика исследования.

В подходе к изучению костюма традиционных обществ диссертанту наиболее импонируют позиции датского исследователя Р.Бробы-Йохансена, связанные с анализом силуэта мужского и женского костюма и причесок и их соотношением с идеальными пропорциями тела у разных этносов и в разные эпохи. Этот ученый также, составляя сравнительные таблицы изменения отдельных элементов костюма Западной Европы на протяжении нескольких столетий смог продемонстрировать *периодичность* подсознательного возвращения мастеров к старым, ранее найденным формам¹. Его работы внушают оптимизм по поводу скорого оформления костюмологии в качестве самостоятельной науки, основанной на выявленных *закономерностях* и обладающей другими необходимыми атрибутами. Определенное влияние оказали на автора подходы В.Картис, в частности - попытка выделения ею *личных* костюмных новшеств отдельными правителями на примере царей парфянского Ирана. Важной основой диссертации стали разработки российских специалистов по этнографическому костюму².

Современное состояние формирующейся дисциплины - *палеокостюмологии* заключается, прежде всего, в отсутствии детально разработанных методологии и конкретных методик. Каждый исследователь сегодня фактически постепенно формулирует их сам на основе личного опыта, частично присоединяясь к позиции кого-либо из знакомых ему коллег. При этом каждому ученому в этой области приходится одновременно собирать неопубликованные архивные материалы, обрабатывать их на разных уровнях, решать методические и даже методологические проблемы. Сегодня не обоснована детально методика реконструкций по материалам погребений и памятникам изобразительного искусства. Материал того или иного древнего этноса часто рассматривается изолированно от соседей и обычно не во всей выявленной на сегодняшний день совокупности, а по *единичным* ярким находкам. Не всегда учитываются достижения

¹ Broby-Johansen R. Body and Clothes. - London, 1968.

² Гаген-Торн Н.И. К методике изучения одежды в этнографии СССР // Советская этнография. - №№ 3-4; Богатырев П.Г. Функции национального костюма в Моравской Словакии // Вопросы теории народного искусства. - М., 1971; Сычев В.Л. Из истории плечевой одежды народов Центральной и Восточной Азии (К проблеме классификации) // Советская этнография. - 1977. - № 3; Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. - М., 1978; Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX - начала XX в. - М., 1984; Лобачева Н.Л. Среднеазиатский костюм...; Лобачева Н.П. О некоторых чертах... и др.

смежных дисциплин. В этих условиях соответствующие позиции диссертанту в значительной степени приходилось формулировать последнюю четверть века самостоятельно.

Изучаемая тема находится, как уже отмечалось, *на стыке нескольких дисциплин* - археологии, этнографии и искусствоведения, понятийный аппарат и исследовательские методы которых весьма различны. Вместе с тем, цель данного исследования не совпадает с наиболее распространенными целями изучения костюма как археологов (анализ сохраняющихся чаще всего неорганических костяных аксессуаров, их типология, хронология и т.д.), так и этнографов (традиционно акцентирующих внимание на поиске отдельных прототипов современных пережиточных форм) и искусствоведов (характер стилизации одежды, манера ее подачи художником, скульптором и т.д.). Для решения поставленной сложной и очень трудоемкой проблемы необходим *комплексный подход*, в столь полном и разностороннем виде предложенный впервые. Для него характерно: 1) использование *всех видов источников* (археологические остатки, изобразительные материалы, письменные сведения и др.) при максимально возможном охвате наличных фактов по каждому изучаемому этносу (в случаях, если это сегодня технически невыполнимо из-за распыленности находок в частных коллекциях и т.п., изучается статистически представительная выборка). 2) Отбор изобразительных материалов и остатков костяного декора из погребений в соответствии со сформулированными во Введении критериями. 3) Анализ материала не по *региональному*, а по *этническому* принципу. 4) Рассмотрение всех основных предметов костюма этноса как *единого костюмного комплекса* (отражающего специфику этноса, его эстетический идеал и религиозные воззрения, социальную структуру и др.). 5) Описание костюма *каждого конкретного этноса* в главах 1-3 дано по *единой программе*, которая предлагается впервые: а) историография; б) характеристика источников; в) необходимые замечания историко-культурного характера в связи с изучением данного этноса; г) материал одежды; д) реконструкция облика основных элементов костюма (в последовательности: плечевая одежда, поясная одежда, пояса, головные уборы, обувь, прическа, косметика и татуировка); е) общая характеристика костюмного комплекса (крой - манера ношения - силуэт - система декора - эстетический идеал этноса, выраженный в костюме и в облике мужчин и женщин в целом); ж) костюм этноса в искусстве иноэтничных соседей. 6) Рассмотрение этнических комплексов на фоне как синхронных соседних, так и более ранних и более поздних, вплоть до этнографической современности (в противном случае корректность большинства выводов гарантировать трудно). 7) анализ *эволюции* костюма отдельных этносов под влиянием различных факторов (миграции, смена династии, внешнеполитическое влияние, функционирование торговых путей и др.). Иными словами, костюм крупнейших ираноязычных народов впервые рассматривается в *его исходном единстве, последующей эволюции и взаимосвязи с локальной спецификой*.

В целом в диссертации используются *историко-типологический, структурно-функциональный и компаративный методы* исследования. Систематизированное аналитическое описание костюма отдельных этносов по трем эпохам, данное в главах 1-3, отнюдь не является компилятивным по характеру. В нем привлечено много новых фактов, ранее известные часто трактуются по-новому; материал систематизирован по новым оригинальным принципам; в ходе его рассматриваются многие спорные вопросы, а такие разделы, как анализ образа «Иного» в изображениях чужеземных мастеров, характеристика декоративных принципов и эстетического идеала конкретных этносов приводятся впервые. Без этого описания невозможно реконструировать облик конкретных этнических костюмных комплексов и решить другие задачи, поставленные в диссертации.

Собственная разработка общих вопросов классификации одежды не входила в задачи данной работы и в целом не входит в круг интересов автора. Вместе с тем, в условиях разнообразия современных классификаций костюма и наличия у каждой из них определенных недостатков используемая автором система описания одежды не могла не быть комбинацией нескольких из них. Кроме того, в ходе *анализа*, материала конкретных этносов предложены собственные версии классификации головных уборов и плечевой одежды. В рамках данного иссле-

дования не слишком актуальны я «не работают» эффективно классификации, основанные на различиях в хозяйственных укладах занятиях в рамках одного этноса (разделение костюма на городской, сельский и бедуинский на Ближнем Востоке: оно практически лишено смысла из-за крайне слабой репрезентации негородской одежды в наших источниках по оседлым этносам).

Согласно В.Брюкнеру, существует четыре основных направления интерпретации костюма: 1) «этнические» концепции, подчеркивающие связь определенных костюмных форм с конкретными этносами или языковыми группами; 2) диффузионистские теории, утверждающие, что все позднее разнообразие форм произошло от нескольких «базовых» типов; 3) концепции «развития» (делающие акцент на *местном* развитии костюмных форм); 4) «теории социальной функции» (использующие семиотический подход). В своей работе диссертант пытался *соединить* рациональные стороны этих четырех тенденций в трактовке материала¹.

Сегодня большинство этнографов - исследователей истории костюма нового времени определено крупного региона, склонно подчеркивать, что «покрой одежды и другие ее черты во многом формируются *не в рамках народа, а в пределах региона*»². Однако не следует спешить априорно переносить подобные выводы на более ранние (и почти не изученные) эпохи. Проблема заключается в том, что в науке последние почти 200 лет преобладают региональные исследования костюма *одного* определенного и сравнительно короткого хронологического пласта — этнографической *современности*, т.е. периода, когда резко интенсифицировались торговые связи и иные межэтнические контакты, торговля тканями и готовой одеждой и т.п. Автор решил строить главы диссертации несколько необычно: в них костюм рассмотрен не по отдельным *регионам* иранского мира, а по основным *историческим эпохам*. Это создает уникальную возможность на большом объеме материала проследить как *этническую специфику* для более ранних периодов (когда иранский мир был гораздо более могущественным и обширным, когда преобладающее влияние исходило, видимо, из культурно родственного Ирана, а торговые и культурные связи гораздо менее интенсивными), так и *механизмы межэтнических костюмных контактов*. Иными словами, в диссертации делается акцент на *этнических* характеристиках. В связи со сказанным в методическом плане интересны работы по выделению одежды этнических персов в парадном костюме Ахеменидской державы и костюмного комплекса собственно парнов-парфян в рамках державы Аршакидов³.

Еще одно важное отличие данной работы заключается в том, что здесь рассматривается по отдельности (и если это возможно - по периодам) и затем сопоставляется костюм *только те хираноязычных народов, которые дают наиболее обильную и разнообразную информацию по костюму*. Этот выбор не случаен. Дело в том, что костюм (и его основная часть - одежда) - явление *массовое*, и по-настоящему продуктивно и корректно он может изучаться именно массово, при наличии сравнительно обширных *костюмных серий*. До сих пор в литературе многие очень серьезные выводы по одежде древнего этноса и даже региона в условиях дефицита фактов строятся на *единичных* (или на «серии» всего из 2-3) изображениях или сохранившихся подлинных предметах костюма. Подобный подход весьма рискован: в этом случае легко можно ошибиться, принимая *случайные* черты за *характерные* (например, элементы костюма, специфичные для высшего аристократии, за свойственные всему этносу), а изображения иноземцев и чужеземных богов - за образы «местных жителей». Поэтому в данной работе единичные факты по костюму фрагментарно документированных этносов привлекаются лишь как *вспомогательный материал*, в качестве аналогий, и серьезные выводы на них не строятся.

¹ Bruckner W. Kleidungsforschung aus Sicht der Volkskunde // Mode. Trache. Regionale Identität. - Cloppenburg, 1985. - S. 15-17.

² Лобачева Н.П. О некоторых чертах... - С. 35.

³ Горелик М.В. К этнической идентификации персонажей, изображенных на предметах Амударьинского клада // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. - Л., 1985; Пилишко В.Н. О костюме парфян и парнов // Древние цивилизации Евразии. История и культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Б.А. Литвинского. - М., 2001.

Изучение материала в диссертации по *языково-этническому принципу* создает некоторые теоретические и практические сложности. Во-первых, *границы* ираноязычного мира в те или иные периоды древности определены на периферии (для бесписьменных народов, которые в ранние периоды составляли большинство) весьма приблизительно (в таких случаях *иранскую* принадлежность древних этносов пытаются подтвердить или опровергнуть такими методами, как анализ древних топонимов и имен древнейших мифо-эпических персонажей, общей совокупности выявляемых обрядов и др.). Так, часть исследователей считают проблематичной иранскую принадлежность племен пазырыкской культуры Горного Алтая, а юэчжэй / кушан иногда считают частично не ирано- а тохароязычными. Во-вторых, наши источники являются в основном *археологическими* и изучаются в рамках *археологических культур*, соотношение которых с конкретными реальными *этническими* массивами можно предполагать во многих случаях, но далеко не всегда. Поэтому привлекается материал либо тех этносов, границы которых достаточно надежно установлены сопоставлением данных письменных и археологических источников, либо материалы тех археологических культур, которые сегодня принято по многим причинам считать достаточно монолитными в этническом плане.

Ключевые понятия, предлагаемые и используемые в данном тексте – *этнический костюмный комплекс* (совокупность элементов костюма, документированных для конкретного этноса, с акцентом на его специфические стороны) и *типы костюмных контактов этносов*. Термин «мода» для практического решения задач, поставленных в диссертации, весьма неудобен в силу своей аморфности и многозначности. Если понимать под модой возможность *индивидуального* выбора различных новшеств, то ее в доиндустриальных обществах можно успешно применить не столько к собственно одежде, сколько к *мелким аксессуарам* костюма. Последние отличаются рядом важных характеристик (большая портативность, способствовавшая их перевозке и обмену; большая внешняя эффектность, поскольку они часто делались из драгоценных металлов и камней; большая прочность, т.к. они обычно изготавливались из неорганических материалов), которые способствовали к тому, что *аксессуары* использовались, перемешались и заимствовались *по иным закономерностям*, чем собственно одежда. Именно для них характерен, например, своеобразный «эффект *запоздывания*» в датировке *женских* украшений по отношению к мужским в парных захоронениях во многих «варварских» могильниках Центральной Европы римского времени и ряд других особенностей.

В последнее десятилетие, в связи с кризисом полевых археологических исследований в России и СНГ и обострением проблемы моральной ответственности ученого, на первый план выходят именно вопросы максимально точного соблюдения существующих полевых методик и их дальнейшего совершенствования. Сегодня *реконструкция одежды* по остаткам тканей, кожи и нашивных украшений в древних погребениях и характер их наиболее оптимального *описания* – темы, методически почти совершенно не разработанные. Обычно авторы не обосновывают детально свои реконструкции и описания, а просто апеллируют к «здравому смыслу». В этом плане диссертация во многом основана на разработанной автором в 1980-1985 гг. на материале различных регионов иранского мира *методике фиксации и описания* и на методике реконструкции костюма из древних погребений. (В Приложении представлена инструкция по совершенствованию полевой фиксации остатков костюма при археологических раскопках, основанная на личном опыте полевой и архивной работы автора). Используемая методика была первоначально подготовлена на основе анализа бусинно-бляшечных обшивок костюма в погребениях европейских сарматов (1981 г.) и затем существенно доработана в ходе двухлетнего анализа полевых материалов «золотого могильника» Тилля-тепе в на севере Афганистана (1984-1985 гг.) и развития в статье по материалам первой «палеокостюмологической» конференции в Самаре в марте 2000 г.. Авторская методика реконструкций основана как на последней фиксации украшений и тканей одежд, учете в каждом конкретном случае характера обрушения свода, разложения гроба и частей трупа, так и на привлечении наиболее детальных изображений персонажей данного этноса, с учетом синхронных родственных этносов и костюма иранских наро-

дов в целом вплоть до этнографической современности. Она изложена в параграфах 2-3 главы 2 (сармато-аланы Нижнего Дона и Кубани; юэчжи Северного Афганистана) в виде серии конкретных примеров погребений представителей различных социальных групп.

Одной из основных проблем качественной полевой фиксации является *специфика восприятия* исследователем *разбросанных* по погребению остатков расшивок одежд и мелких аксессуаров. Они традиционно видятся многими учеными не как *единый, тщательно продуманный ансамбль*, все элементы которого были подобраны в соответствии с определенными вкусами и социальными статусом будущего хозяина, а как достаточно хаотический *список предметов погребального инвентаря* (который археологу необходимо составлять для ежегодного академического отчета). При работе с архивными материалами по раскопкам на прежней территории СССР любой исследователь, занимающийся древним костюмом, сталкивается с последствиями такого восприятия палеокостюмологических материалов и недооценки их значения.

Прежде всего, ежегодная полевая отчетность изобилует неточностями и путаницей. Так, положение одного и того же аксессуара (например, фибулы) на костяке умершего часто оказывается *разным* на чертеже, фотографии скелета и в текстовом описании; такого рода комплексы не могут привлекаться для корректного анализа костюмных материалов. Особенно часто страдает фиксация предметов, найденных *под костяком* (т.е. украшавших костюм со спины): убиравая кости скелета, раскопщики зачастую не оставляют надежные точки привязки на чертеже. Многие исследователи тщательно фиксируют лишь то небольшое число украшений, которое сохранилось *непосредственно на черепе*, но весьма поверхностно - те, которые съехали с него в процессе разложения трупа и оседания перекрытия могилы, оказались внутри него и под ним. Чертежи сложных бусинных / бляшечных обшивок часто даются в слишком мелком масштабе, не позволяющем разглядеть важные детали (крупный черновой чертеж потом обычно не включается ни в отчет, ни в публикацию). Даже *границы орнаментальной зоны* из бус или бляшек обычно не совпадают на чертеже и фотографиях. При фиксации нашивных бляшек, как правило, не указывается, какие из них лежат тыльной стороной вверх, редко подробно описываются случаи перекрывания одного ряда другим, не отмечаются факты их *починки*, среднее расстояние между ними и наличие *прорех* в сплошном ряду их (что зачастую фиксирует *характер износа* данного предмета одежды). Весьма распространено мнение, что огрубление погребения (даже частичное) допускает возможность менее тщательной фиксации сохранившихся на месте остатков.

Анализ изобразительных материалов по древнему костюму. Древние изображения в целом являются преобладающим видом источников по данной теме. Подавляющее большинство авторов считает интерпретацию костюма на них делом несложным, т.к. здесь «все очевидно». В действительности же попытки корректного анализа в подобных ситуациях наталкиваются на многообразные и специфические объективные затруднения. *Во-первых*, наличный состав изображений никогда не отражает сколько-нибудь объективно одежду различных сезонов (в соответствии с господствующим стереотипом художественного восприятия люди и боги изображались именно в одежде теплого сезона, т.е. без зимних шапок, шуб, перчаток и т.п.). Не позволяет он представить также реальный *состав комплекта и манеру ношения* бытовавшей одежды (многие изображения из-за их ритуального характера представляют мужчин и женщин простоволосыми и/или босыми, чего не было в реальной жизни, ритуально полуобнаженными, носящими плечевую одежду не вполне обычным способом и т.п.). Не дает он и объективных сведений и о *половозрастном составе общества* (для всех изучаемых этносов, кроме согдийцев I-III вв. н.э., резко преобладают мужские изображения; почти совершенно отсутствуют детские образы). Не отражает он сколько-нибудь адекватно и *одежду разных социальных групп* (почти во всех изучаемых культурах, кроме нескольких самых поздних, подавляющее большинство населения - простолюдины - практически совсем не представлено в изобразительном искусстве). *Во-вторых*, мастер подчас сознательно допускал сильную *стилизацию* человеческих фигур, при которой трактовка многих изображенных предметов одежды становится про-

блематичной. В-третьих, даже на вполне реалистических, детализированных и полностью сохранившихся изображениях *позы* отдельных персонажей и их соседство с другими (частичное взаимное наложение) серьезно мешают идентификации предметов одежды (так, практически невозможно выяснить важные детали кроя и декора плечевой одежды при изображении фигуры в профиль; у сидящих персонажей в длинных халатах часто не видны ни шаровары, ни обувь и т.п.).

Публикаций, посвященных хотя бы частично *методике анализа* костюма на различных изображениях, в мировой литературе очень немного. Среди них у российских авторов важны статьи по одежде на персидских рельефах и на средневековых миниатюрах Ближнего Востока и Средней Азии¹, по материалам раннесредневековых росписей Согда и Тохаристана и по отражению костюма кочевых семитских народов в древнеегипетском искусстве². В западной литературе интересны методы анализа одежды персов в греческой вазописи и на сасанидских рельефах Таки-Бостана и даков на колонне Траяна в Риме и на памятнике в Адамклисси³.

К сожалению, большинство исследователей, называя аналогии отдельным предметам одежды на изображениях, не приводят каких-либо *доказательств* близости сравниваемых элементов (кроме отсылки к иллюстративному материалу); на деле эти «анalogии» очень часто оказываются весьма нестрогими. Другой характерный недостаток при описании древнего костюма в изобразительных памятниках – отказ от сколько-нибудь полного (или статистически представительного) анализа костюма изучаемого этноса: авторы ограничиваются произвольным «выхватыванием» отдельных изображений (как правило, с целью *подтверждения* некой априорной гипотезы и иллюстрирования ее положений). В ходе анализа древних памятников известную опасность представляет искреннее желание ученых извлечь максимум информации из схематичных и даже примитивных по характеру изображений, то есть часто «*выжать*» из имеющегося материала больше, чем он может дать. Характерная ситуация такого рода – рассмотрение деталей изображений *при сильном увеличении*, когда каждый может в них увидеть нечто свое, оригинальное; менее распространены *попытки дать детальную реконструкцию костюма на основе очень схематичных изображений*.

Авторская методика отбора, описания и анализа костюма на изображениях разных типов первоначально была разработана в ходе исследования в 1987–1988 г. стенных росписей буддийских монастырей V–XIV вв. на западе Китая (Синьцзян), дополнена в 1989–1993 гг. при изучении греко-скифской торевтики V–IV вв. до н.э. и в 1994–1995 гг. в процессе изучения стенных росписей VII в. н.э. в Зале послов на городище согдийского Афрасиаба / Самарканда.

Принципиально важен *строгий отбор* используемых изображений. Даже при обилии для отдельных этносов изображений персонажей с теми или иными элементами одежды и прически, подавляющее большинство из них не может быть использовано для решения задач диссертации: они либо *фрагментарны* (и, соответственно, те или иные предметы одежды достоверно не реконструируются), либо костюм в соответствии с индивидуальной манерой или господствующим стилем облик одежды, из-за квалификации мастера и иных причин *стилизован или передан крайне схематично*. В ряде исследуемых культур преобладают схематичные контурные изображения или погрудные (на которых зачастую детализирована лишь прическа). Все сомнительные случаи, когда из-за фрагментарности или стилизации тот или иной элемент оде-

¹ См. статьи М.В. Горелика: Ближневосточная миниатюра XII–XIII вв. как этнографический источник // Советская этнография. – 1972. – № 2; Среднеазиатский мужской костюм на миниатюрах XV–XIX вв. // Костюм народов Средней Азии. – М., 1979; К этнической идентификации...; Комплекс скифского мужского костюма и его место в комплексе костюма иранских народов VI–IV вв. до н.э. // Базы данных по истории Европы в средние века. – Вып. 3. – М., 1997.

² Лобачева Н.П. Среднеазиатский костюм...; Богословская И.В. Одежда кочевых и мигрирующих народов Ханаана по древнеегипетским изображениям XIV–XII вв. // Вестник древней истории. – 1988. – № 1.

³ Birner S. Tracht und Bewaffnung des persischen Heeres zur Zeit der Achaimeniden. – München, 1985; Peck E.H. The Representation of Costumes in the Reliefs of Taq-i-Bustan // Artibus Asiae. – Vol. XXXI. – Ascona, 1969; Florescu F.B. Monumental de la Adamklissi Tropaeum Traiani. – Bucaresti, 1959.

жды не реконструируется без затруднений, для данной работы не привлекались. Если мы имеем дело с серийными штампованными изделиями вроде терракотовых статуэток, то часто одно или два подобных однотипных изображения не позволяют восстановить достоверно неясный по облику предмет одежды на нем. Надо сопоставлять предметы в *серии* подобных изображений, чтобы обнаружить наиболее качественные оттиски исходной ремесленной формы; иногда возможно сделать графическую реконструкцию одежды лишь по *сумме* таких оттисков. Приходится учитывать и периодическое копирование терракотовых фигурок провинциальными мастерами и ремесленниками соседних стран, при которых костюм изображенного персонажа мог частично дополняться местными реалиями.

Серьезной проблемой является большая доля среди древних изображений *явных или предполагаемых божеств или мифо-эпических персонажей*. Возможно ли привлечение их для уточнения облика местной реально носившейся одежды? Представляются неконструктивными максималистские и предельно обобщенные варианты ответа на этот вопрос. Видимо, этот вопрос необходимо решать очень конкретно со строгим учетом региональной специфики, эпохи, господствующих религиозных воззрений, внешнеполитической зависимости, степени открытости данного общества для внешних контактов, его увлеченности чужеземной экзотикой и т.п. Так, пришедшие с юга образы буддийских божеств кушанской Бактрии и синкретических божеств раннесредневекового Согда имеют мало общего с местным костюмом (даже с костюмом достоверных местных правителей), что, впрочем, не исключает в принципе определенную возможность их влияния на появление единичных новых форм у знати. Напротив, местные божества на оригинальных изображениях Хорезма и доисламского Ирана, видимо, практически всегда представляют современный, синхронный мастеру костюм. На т.н. «греко-скифской торевтике», которая производилась в Северном Причерноморье по скифскому заказу не более 1,5 веков, мифо-эпические персонажи наверняка также носят синхронный костюм местной знати, т.к. его облик находит параллели на собственно скифских изображениях *я* в некоторых материалах погребений, и за этот отрезок времени в рамках традиционного скифского общества изобразительный канон (в котором могли бы отражаться архаичные, исчезнувшие из быта элементы одежды) не смог, как известно, вполне оформиться.

«Аналитическое иллюстрирование».

Одна из особенностей изучения костюмных материалов - необходимость *наглядности* (и соответственно — исключительно важная роль иллюстративных материалов, критериев их отбора и манеры подачи). Вместе с тем, характер иллюстрирования древнего костюма в имеющихся публикациях вызывает известную неудовлетворенность. Принято думать, что *наиболее объективным* методом иллюстрирования является таблица из серии прорисовок различных древних изображений; такой подход преобладает в современной литературе. На наш взгляд, подобный метод иллюстрирования весьма неудобен, а для историка костюма в целом не оправдан. Действительно, тщательное копирование в таблицах представленных на изображениях трещин, складок одежд, мелких деталей орнамента тканей при неудовлетворительной сохранности отдельных частей изображений, взаимным перекрывании фигур, нарушении пропорций и перспективы, в сочетании с популярным до сих пор черно-белым иллюстрированием часто приводят к неверным заключениям выводам об изображенной одежде даже квалифицированных специалистов. Некоторое количество «точных» копий древних изображений полезно лишь для того, чтобы наглядно представить *характер стилизации* (искажения) реального костюма конкретным мастером или представителями определенного стиля. Кроме того, для проверки читателем *точности воспроизведения* силуэта и конструкции предметов одежды все рисунки сводных таблиц сопровождаются аннотацией (указание на первичную публикацию, пункт находки и т.п.).

В основу предложенного диссертантом в 1987 г. «аналитического иллюстрирования» положены сводные таблицы наиболее ярких комплектов одежды по всему конкретному этносу (или, если материал обилен, отдельно по полам и крупным хронологическим группам), изобра-

жения на которых не являются копиями фрагментированных или стилизованных древних. Важной особенностью таких таблиц стало то, что в них впервые *объединяются сведения различных типов источников* (наряду с собственно древними изображениями, привлечены наиболее полно реконструируемые по обшивкам вещи из погребений и в единичных случаях - даже элементы одежды из наиболее детальных описаний древних авторов). Другая особенность заключается в том, что элементы костюма расположены в каждой таблице сверху вниз, как на живом человеке (головные уборы - прически - плечевая одежда - поясная одежда и пояса - обувь). Каждый ряд образуют однотипные элементы, расположенные между собой по возможности по степени сходства силуэта. Манера изображения одежды взята из классических этнографических публикаций, но имеет несколько упрощенный характер (в частности потому, что почти всегда остается неизвестным крой, а декор обычно - лишь частично). При составлении таких сводных сводились к минимуму *дополнительные детали, отвлекающие* от восприятия собственно одежды (например, не изображаются лица моделей, что в последние десятилетия стало едва ли не нормой; не показаны различные предметы в руках и у пояса, лошадь, на которой сидит всадник и т.п.).

Анализ письменных источников. Привлечение сведений древних текстов по данной теме обычно не создает таких сложных проблем, которые возникают при анализе иных типов источников. В отличие от многих других затрагиваемых в них тем, сведения по костюму в большинстве случаев очень конкретны и в принципе подлежат проверке (сопоставлением с достоверными данными по историческому и этнографическому и костюму ираноязычных этносов). К тому же информация такого рода не считалась особо важной и практически не связана с идейной позицией того или иного автора и т.п. Она сообщается либо мимоходом, наряду с другими этнографическими характеристиками конкретного этноса, либо в связи с политической жизнью соседних и дальних стран (описание противника в сражении, придворного этикета, облика политических лидеров). В среднем она достаточно адекватно отражает доступную авторам информацию. Серьезного внимания заслуживают лишь сомнения ряда исследователей по поводу достоверности *большой части* сведений о персах в «Киропедии» Ксенофонта (глава 1.1). В редких случаях имеет место путаница.

7. Научная новизна работы.

В диссертации впервые в мировой науке на обширном материале комплексно рассматривается одежда одной из самых крупных человеческих общностей древности и раннего средневековья, занимавшей огромную территорию и состоявшей из многих десятков этносов (ираноязычных народов Евразии). При этом по сравнению с другими подобными, весьма хорошо исследованными крупными общностями (кельты и германцы Европы, ранние индоевропейские этносы Индии) одежда изучаемой общности отличается гораздо большим разнообразием форм, сложностью декора (и соответственно - сложностью реконструкций одежды по материалам погребений), очень большим количеством дошедших до нас изображений и в целом разнообразием источников, что делает совокупный комплексный анализ материала по данной теме качественно более сложной задачей.

Диссертантом впервые в мировой практике дана на объемном материале обширной территории панорама *эволюции* одежды большой группы родственных древних этносов по основным историческим периодам, выявлены и рассмотрены основные *типы* костюмных контактов в масштабах Евразии, *направления* влияния отдельных крупных этносов, анализируется на доступных материалах репрезентация образа «Иного» в искусстве соседей. Впервые для иранских этносов доисламского времени (т.е. ранее VII-VIII вв. н.э.) характеризуются на значительном материале серии этносов одежда (а не только аксессуары) *простолюдинов* и специфика *детской* одежды, а также одежда как *элемент жертвоприношений* и ее место в *системе погребально-погребительных ритуалов*.

Автором впервые детально реконструирован облик одежды прото-иранцев, комплексно характеризуются «костюмные» следы их проникновения на Ближний Восток в начале I тыс. до

н.э., а также предполагаемые *личные «костюмные инициативы» правителей* ахеменидского Ирана и Кушанской империи. Предложено новое, детально аргументированное решение проблем соотношения индийских и персидских элементов в придворной одежде первой «мировой империи» Ахеменидов и присутствия контингента скифских воинов в Афинах рубежа VI-V вв. до н.э.

Используемые в диссертации методики описаний остатков одежды в погребениях, реконструкций ее облика по ним, анализа ее по изображениям, «аналитического иллюстрирования» костюмных материалов являются авторскими и предварительно опробованы диссертантом в течение не менее 15 лет.

Автором даны комплексные характеристики 13 древних этносов, при этом *для семи из них такая детальная характеристика дается впервые* именно им (ранние скифы, пазырыкцы, хорезмийцы, сармато-аланы, юэчи/кушаны, индо-скифы, хотанцы). Те характеристики, которые были приведены в отдельных публикациях диссертанта последних лет, в данной работе существенно переработаны и расширены. Автором впервые составлены сводные аналитические таблицы одежды, причёсок и поясов для 11 изучаемых этносов (за исключением скифов «классического» времени и тохаристанцев). Для исследуемых народов (кроме тохаристанцев) впервые дается системная характеристика декоративных принципов, силуэта мужской и женской одежды и эстетического идеала этноса, выраженного в костюме.

В результате достаточной полной реконструкции костюма отдельных этносов и их последующего сопоставления в рамках отдельных исторических периодов были предложены новые версии этногенеза и культурогенеза и уточнены районы прародин некоторых народов, игравших заметную роль в древней истории Евразии (ранние скифы, «классические» скифы) и в современных научных построениях (пазырыкцы Алтая, знаменитые благодаря уникальной сохранности в «вечной мерзлоте» артефактов их культуры).

В данной диссертации впервые привлекается для разработки костюмной тематики большое количество дополнительных источников – архивных материалов о полевых археологических исследованиях, изображений и некоторая часть сведений древних и средневековых авторов.

8. Практическая значимость результатов исследования.

Данная диссертационная работа в значительной мере была ориентирована на получение серии результатов, имеющие *непосредственное практическое значение для специалистов* в различных областях, работающих в разных странах мира. Результаты комплексного исследования: костюма группы древних ираноязычных народов могут быть вскоре использованы в следующих направлениях:

- уточнение этнической атрибуции и датировки большой серии древних изображений поможет провести адекватную экспертизу многих памятников древнего искусства как в музейных и частных собраниях, так и на художественных аукционах, позволит археологам интерпретировать ряд сильно поврежденных комплексов и случайных находок;
- комплексная графическая реконструкция одежд древних ираноязычных этносов будет содействовать корректному оформлению соответствующих реконструкций, макетов, панорам и т.п. в отделах древности музеев различных стран;
- материалы исследования предоставляют новую, достаточно достоверную информацию, которая может быть востребована в постановках по исторической тематике в ходе работы театралов и кино-художников и декораторов;
- обширный, ранее малоизвестный и совершенно неизвестный костюмный материал, систематизированный и проанализированный в диссертации, демонстрирует ряд форм и подходов, которые могут быть привлекательны для современных кутюрье.

Кроме непосредственно практического, результаты, полученные в диссертации, имеют и *теоретическое значение* для различных областей гуманитарного знания.

- уточняются на анализе обширного материала факторы эволюции и межэтнических контактов в такой специфической сфере культуры как костюм доиндустриальных обществ;

- анализ образов представителей ираноязычных этносов и адекватности передачи их костюма в качестве «Иного» в наиболее развитых и изученных изобразительных традициях древности (афинская вазопись классической эпохи, греко-скифская торевтика, согдийская стенная живопись, китайская терракота эпохи Тан) позволяет уточнить некоторые существенные черты самих этих традиций;

- результаты анализа декора одежды и отраженных в нем и в силуэте эстетических идеалов серии конкретных крупных древних этносов представляют интерес для искусствоведения;

- прodelанная атрибуция костюмных комплексов на некоторых сериях изображений позволяет историкам и археологам в ряде случаев по-новому трактовать отраженные в них этнокультурные процессы и политические события.

9. Основные положения, выносимые на защиту.

1. Материал ираноязычных народов древности можно считать эталонным для изучения костюма доиндустриальных обществ, благодаря обширности занимаемой ими территории, большому числу этнических групп, значительному политическому и культурному влиянию, большому разнообразию форм одежды, сложности и роскоши ее декора, обилию сохранившихся изображений и письменных источников.

2. Костюм древних ираноязычных этносов может быть методологически корректно исследован на основе строгого отбора наиболее полно сохранившихся и документированных материалов погребений и изображений. Применительно к доисламской эпохе истории иранского мира в целом оправдано рассмотрение материалов по этно-лингвистическому принципу, а не по региональному. Согласно исследовательской гипотезе, необходимо, в первую очередь, изучать этносы, дающие большие костюмные серии и сопоставлять их материалы в рамках крупных исторических периодов (скифо-ахеменидское и хунно-сарматское время, сасанидское время и раннее средневековье). В связи с чрезмерным обилием и разнообразием мелких аксессуаров, исследование общеиранских особенностей и тенденций развития ограничивается материалом собственно одежды. В условиях дефицита данных о крое силуэт и система декора являются надежными и репрезентативными источниками, позволяющими решить основные задачи диссертации.

3. Иноэтничные письменные источники и изображения представителей определенных этносов инокультурными соседями, за исключением некоторой стилизации и изредка - путаницы, являются весьма надежным и информативным источником по костюму.

4. Ретроспективное рассмотрение костюма скифо-ахеменидского времени помогает реконструировать костюм прото-иранцев, а этнографического костюма ираноязычных народов - важные характеристики знаковых функций (возрастная специфика, использование в жертвоприношениях и погребальном ритуале).

5. В процессе костюмных контактов народов иранского мира между собой и с иноязычными соседями особую роль играли различные династии собственно Ирана, миграции ираноязычных кочевых этносов и контакты в пределах «Шелкового пути». Влияние неиранских держав (Хунны, эллинистические монархии. Римская империя, Китай) вплоть до тюркизации рубежа VI-VII вв. сказывались, прежде всего, в распространении аксессуаров, реже - причесок, а не собственно элементов одежды.

6. Для костюма отдельных народов характерны не только яркая этническая специфика, но и весьма динамичное развитие. Инновации в одежде и причёске происходили в иранском мире доисламского периода, главным образом, в период смены этнического доминирования или прихода новой династии. Удается реконструировать ряд личных «костюмных инициатив» правителей ахеменидского, парфянского и сасанидского Ирана, Кушанской империи.

10. Апробация результатов исследования.

Основные положения и выводы диссертации изложены в серии публикаций в коллективных трудах (раздел «Одежда» в томе V/7 "Encyclopaedia Iranica", Costa Mesa, 1992; глава в т. IV «Восточного Туркестана в древности и раннем средневековье», М., 2000), в серии статей в периодических изданиях «Краткие сообщения Института археологии РАН» (с 1986 г.), «Российская/советская археология» (с 1987 г.), «Петербургский археологический вестник» (с 1993 г.), «Археологія» (с 1993 г.), «Вестник древней истории» (с 1995 г.), "Silk Road Art and Archaeology" (с 1998 г.), "Stratum plus" (с 2000 г.), «Нижеволжский археологический вестник» (с 2000 г.).

Результаты исследования апробированы в серии докладов в археологической лаборатории РГУ (Ростов-на-Дону, 1981 г.), на скифо-сарматском отделе Института археологии РАН (с 1981 г.), на кафедре археологии МГУ в рамках семинара И.В. Яценко (с 1985 г.), в Институте востоковедения РАН в рамках семинара Б.А. Литвинского «Вещь – обряд – культура» (1985–1986 гг.), в античном отделе Института истории материальной культуры РАН (СПб., 1992–1994 гг.).

Ключевые вопросы разработки темы с 1977 по 1980 г. отражены в серии докладов на студенческих конференциях (прежде всего, на XIX всесоюзной археологической конференции, МГУ, 1979 г.), позже на XIII Крупновских чтениях (Майкоп, 1984 г.), на всесоюзных Исторических чтениях памяти М.П. Грязнова (Омск, 1987 г.), на I, II, III и VII международных семинарах «Античная цивилизация и варварский мир» (Новочеркасск, 1987 и 1989 гг.; Геленджик, 1991 г.; Краснодар, 1999 г.), на I, II и III международных конференциях «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья» (Запорожье, 1989, 1994 и 1999 гг.), на семинаре «Вещь в контексте культуры» (СПб., Ин-т истории материальной культуры РАН, 1994 г.), на II Тихоновских чтениях (СПб., 1994 г.), на I чтениях памяти К.Ф. Смирнова (М., Ин-т археологии РАН, 1995 г.), на III Международной конференции «Культуры Евразии второй пол. I тыс. н.э. (из истории костюма)» (Самара, 2000 г.), на Межвузовской конференции «Изучение культуры России 1990-х годов» (М., РГГУ, 2001 г.).

11. Структура работы.

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников и литературы, текстового приложения (т. 1), альбома иллюстраций и их списка (т. 2).

В главах 1–3 рассматриваются этнические комплексы одежды трех основных эпох доисламской истории иранского мира: скифо-ахеменидской, хунно-сарматской, сасанидской и раннего средневековья. В главе 1 характеризуется ранний период костюмной истории «исторических» ираноязычных этносов, бывший одновременно периодом расцвета и максимального расширения иранского мира, выявляются их общие черты и реконструируется облик костюма прото-иранцев. В главе 2 одежда ираноязычных народов рассмотрена в период создания системы «мировых империй» на трассах «Шелкового пути», некоторые из которых (Парфянская и Кушанская) были ираноязычными. Глава 3 посвящена исследованию одежды иранских народов периода сокращения их территории в условиях активной экспансии неиранских государств и распространения мировых религий (в первую очередь – ислама). В главе 4 исследуются различные типы костюмных контактов ираноязычных этносов, направления эволюции костюма отдельных народов и некоторые малоизученные знаковые функции одежды иранского мира. В ней преобладает компаративное рассмотрение материала отдельных этнических групп. В заключении содержатся выводы диссертационного исследования.

Список литературы и источников включает библиографические описания рукописных источников (полевых археологических отчетов, дипломных работ и диссертаций) и литературы (часть указанных работ фигурирует только в списке иллюстраций как первоисточники для аналитических таблиц). Приложение представляет собой методические рекомендации диссертанта по полевому описанию и фиксации археологами остатков одежды и ее декора в погребениях. В списке иллюстраций содержится достаточно подробное описание привлекаемых материалов со ссылками на первоисточники. Иллюстрации размещены по главам и разделам и представляют

с собой копии материалов различных авторов и аналитические сводные таблицы, составленные диссертантом.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.

Во Введении определяются актуальность избранной темы, характеризуется степень ее изученности, формулируются предмет, цели и задачи диссертационного исследования, уточняются его хронологические и тематические рамки, характеризуются основные категории источников, принятые автором и разработанные им самим методологические и методические основы работы, ее научная новизна, практическая и теоретическая значимость, формулируются основные положения, выносимые на защиту, и отмечаются способы апробации полученных результатов.

Глава 1 «Скифо-ахеменидское время (VII/VI вв. до н.э. – IV/III вв. до н.э.)» структурно состоит из шести параграфов. Первые четыре из них посвящены всесторонней характеристике этносов наиболее полно документированных этносов данного времени. В двух последних параграфах (аналогичные им содержатся и в следующих главах 2 и 3) характеризуются важнейшие особенности костюма отдельных этносов (в автореферате они даны в описании «этнических» параграфов) и общие тенденции и элементы в одежде этносов данного времени; кроме этого, реконструируется облик одежды древнейших иранцев.

В параграфе 1 рассмотрен костюмный комплекс **персов** при Ахеменидах. Он лучше других обеспечен письменными источниками. При большом количестве разнотипных изображений, одежда персов на них типологически достаточно однотипна (что во многом объясняется их каноничностью). Детальная характеристика костюма этого важнейшего этноса древности до сих пор отсутствовала; имеются краткие обобщающие статьи и работы, где характеризуется отражение одежды персов в греческом искусстве¹, а также серия статей по отдельным предметам одежды (прежде всего по плечевой одежде, по головным уборам и такому аксессуару как пояс). Персидский комплекс демонстрирует господство у мужчин, в отличие от степных кочевых соседей, верхней *нераспашной* плечевой одежды *sagapis* (что наблюдается и у северных ираноязычных соседей - мидийцев и сагартиев, а также у древнейших парфян). Другой важной особенностью господствующего этноса империи Ахеменидов было большое количество заимствований знатью от предшественников - мидийцев и эламитов (подробно об этом говорится в главе 4.1). Имперское положение персов обусловило *повышенный комфорт и известную изнеженность* в сфере использования костюма и его аксессуаров (широкое употребление дорогой косметики обоими полами, обязательное ношение нательной одежды [даже у простолюдинов: Strabo. Geogr. XV. 3.19], сезонная смена окраски нераспашной одежды, укрывание знатными женщинами всего тела от солнечных лучей и ношение аристократией vareжек и перчаток в теплом климате Персиды [Фарса], использование в качестве основного красителя самой дорогой в тогданнем мире краски - пурпура, бытование чисто золотых поясов). Третья характерная черта персидского костюма - широкое использование пестрых тканей, у мужчин особенно для штанов и нераспашного сараписа (подчас до трех видов пестрых тканей на одном предмете с орнаментами в виде крупных кружков с розеткой, сетчатого и др.) и яркой окраски штанов и обуви. Силуэт костюма планомерно сужался у мужчин к конечностям, женский - снизу вверх. У обоих полов ценились высокий рост (Хеп. Кут. V. 1.5; VIII. 1.40), величественные позы, красивые складки одежд.

У мужчин халат *kandys* имел широкий отложной воротник (как и у арабей), обычные и зауженные рукава, и мог в случае необходимости крепиться сзади у ворота. Кафтаны *gaunaka* (носившиеся реже, чем у кочевых предков) обычно не запахивались, а держались лишь поя-

¹ Schoppa H. *Die Darstellung der Perser in der griechischen Kunst bis zum Beginn des Hellenismus*. - Koburg, 1933; Bittner S. *Tracht und Bewaffnung*. ; Горелик М.В. К этнической идентификации...; Горелик М.В. Комплекс скифского мужского костюма. , Shabazi A.S. *Clothing in the Median and Achaemenid Periods*// *Encyclopaedia Iranica*. - Vol. V. Fasc. 7. - Costa Mesa, 1992.

сом; иногда они имели складчатые подол и рукава; документирован уникальный образец ворота с двумя лацканами. Такой важнейший по письменным источникам элемент парадного костюма знати, как длинный широкий плащ-кас, изображался реже всего. Верхняя нераспашная одежда обычно была выше колен, изредка с очень короткими или длинными расширяющимися рукавами и иногда носилась в комплекте с рубахой; изредка она была стеганой; она часто имела вертикальную полосу декора или шилась из тканей с рядами крупных кружков. Этническая традиция явно предписывала мужчинам носить головной убор и обоим полам подпоясывать верхнюю нераспашную одежду. Женский *sagariš* был длиной до щиколоток и носился в комплекте с рубахой. В одежде преобладали яркие двухцветные ткани; чаще всего она украшалась у мужчин по бортам рядом крупных круглых бляшек, у женщин - полосой цветной ткани у ворота; любимые цвета - пурпурный, реже - другие оттенки красного и белый.

Некоторые из выделенных ранее 11 типов мужских головных уборов¹ либо не относятся к достоверным персам, либо являются *начальными украшениями*; автором дополнительно выделено 6 типов. Любимым мужским головным убором была конусовидная *tyaga* из ткани или войлока с заостренным и свисающим верхом, узким назатыльником и завязками разной ширины у подбородка (у магов они сопровождалась особо прикрепленной повязкой-*dana*). Убор *kydaris*, повязанный разноцветными лентами (Curt. Hist. Alex. III. 19) без должных оснований отождествляют с *mitra* и *kyrbasia*; вероятно, он имел вид низкого цилиндра (Амударьинский клад, № 1). Оригинальна четырехгранная «тобейка» с треугольным вырезом надо лбом. Женщины носили только длинные головные покрывала, край которых обшивался двумя рядами бляшек. Специфичны мужские широкие «наградные» (Xen. Anab. I. 7.7; Xen. Kyr. VIII. 118) диадемы из металла и толстые объемные обручи с богатым декором (имитировавшим многоярусный венок или сложную завивку волос). Мужчины носили длинные волосы без прямого пробора; усы отпускали только вместе с бородой. Женщины заплетали косу, которая носилась в длинном тканом наконснике с крупным шариком на конце; известны и оригинальные типы коротких причесок (в том числе - с выступом надо лбом).

Штаны-*anaxyrides* (у знати - по трое одновременно: Strabo. Geogr. XV. 3.19) носили узкие с преобладающим декором из горизонтальных рядов зигзага, реже - сетчатого и др. Тканые кушаки у женщин и жрецов отличались длинными свисающими концами. Наборные пояса украшались квадратными или круглыми бляшками. О впервые документируемых в иранском мире золотых поясах (Curt. Hist. Alex. III. 3.17) ничего конкретного не известно. В отличие от народов более восточной части иранского мира («саков» Южной Сибири и Семиречья, бактрийцев, ареев и арахотов) у персов господствовала низкая обувь (полусапожки и мидийские туфли), а ноговицы с сетчатым декором носились реже и в комплекте с ней. Окраска обуви отличалась особым разнообразием.

Параграф 2 (самый обширный в диссертации) посвящен анализу костюма наиболее знаменитой и могущественной группы кочевых этносов данной эпохи - европейских скифов. Несмотря на значительную серию публикаций по одежде этого наиболее изученного комплекса иранских народов, главным образом - по парадным женским головным уборам (прежде всего, Л.С. Ключко, а также М.В. Горелика, Т.В. Мирошиной и автора) исчерпывающая его характеристика впервые дается в данной диссертации.

Ранний комплекс «архаических» скифов VII-VI вв. до н.э. детально анализируется впервые; он документирован на изваяниях и торевтике. Здесь представлены такие наиболее специфические его элементы, как длинный мужской халат, женский кафтан с короткими рукавами, мужской со стоячим воротом и иногда - зубчатым подолом, башлыки нескольких типов (шлемообразный с гребнем и декором из горизонтальных полос на боковых лопастях; с

¹ Calmeyer P. VOM Reisehut zur Kaiserkrone B. Stand der archäologischen Forschung zu den iranischen Kronen // Archaeologische Mitteilungen aus Iran. - Bd. 10. - Berlin., 1977. - S. 173-178; Sahbazi A.S. Clothing... - P. 726-727.

невысоким острым верхом я длинным узким назатыльником), женский полусферический убор с отверстием на макушке для пряди волос и диадемы с двухрядным размещением украшений, широкие шаровары у обоих полов, широкие мужские пояса, застегнутые на животе прямоугольной пряжкой, женские туфли с загнутыми носками и мужские сапоги чуть ниже колен. В причёске характерны мужская коса, либо суженная книзу (Северный Кавказ) либо дополненная особым прямоугольным украшением на конце (Правобережная Украина), женский широкий накосник. В одежде знати практически отсутствуют типы и декоративные элементы ближневосточного происхождения (кроме оформления диадем из Келермеса).

Системное сопоставление помогает решить давний спор ученых об *этнической принадлежности* серии детально переданных *стрелков-варваров на афинской вазе* 520-190 гг. до н.э. Они не имеют никакого отношения к костюму на персов, но индийцев, ни этносов Малой Азии, но при этом точно передают этнографические черты конкретного кочевого ираноязычного этноса и не могут быть трактованы как «условные варвары», что подтверждает догадку М.Вос¹. Наиболее оригинальные элементы костюма на этих изображениях: короткие кафтаны со скошенными от центра к бокам полами (подчас безрукавные и со вставкой в верхней части спинки в виде фигурной скобки «{»); длинные, застегнутые наглухо халаты; некоторые башлыки (преобладающий тип с длинным заостренным верхом, узким назатыльником и лентами-завязками; с яйцевидным верхом и длинным узким назатыльником) и полусферическая шапочка с отверстием на макушке для пряди волос; туфли с острыми носками; длинная коса у зрелых мужчин и две косы в сочетании с длинным чубом у юношей. Эти элементы имеют прямые параллели *только у кочевых саков Западного Туркестана* (тиграхауда и «заморских») *и отчасти кочевников более восточных районов* (Северного Тянь-Шаня и Юго-Западной Сибири), которых афинские греки видеть в конце VI в. до н.э. реально не могли. Однако многие из этих элементов достоверно документированы на раннескифских изображениях Северного Кавказа и Северного Причерноморья. В целом костюмный комплекс ранних скифов не имеет почти ни одного общего микроэлемента с костюмом более поздних «классических» скелотов, что (в сочетании со сравнением с достоверно раннескифским материалом) надежно и окончательно подтверждает версию Ю.А.Виноградова - К.К.Марченко - А.Ю.Алексеева о наличии двух волн миграции в Восточную Европу скифов разного происхождения.

Одежда *скифов-скелотов «классического» времени (V-IV вв. до н.э.)*, анализируется только для степной зоны (многие важные элементы из Лесостепи здесь не известны); в целом диссертант не использует ранний греческий этноним «скифы» как макро- и суперэтноним, в отличие от римских и более поздних авторов. Их костюм богато документирован разными видами источников (изображениями на т.н. «греко-скифской торевтике» и гораздо хуже изученными остатками предметов одежды в погребениях и изображениями на каменных изваяниях) и имеет следующие характерные особенности.

Носились мужские халаты до колен и женские местного варианта *kandys* с расширяющимися внизу рукавами с закругленным краем и скругленными углами бортов и иногда с приспособленным воротом. Мужские кафтаны *sisigma* подчас имели по треугольному выступу на концах подола, сходящихся к центру, или по три клиновидных выступа разной длины спереди на подоле или только сзади (оба варианта связаны с аристократией), треугольный элемент, вшитый в верхний край спинки, длинные узкие боковины, капюшон, обшлага раструбом и могли крепиться тремя петлями и пуговицами. Они обычно украшались в основном вдоль бортов (подчас полосой из меха или сплетенных кожаных полос; часто так же декорировался и край подола) и у пройм рукавов; наиболее роскошна была вышивка вертикальной полосы на спинке («бегущая спираль», стилизованные побеги). У женщин бытовали очень короткие кафтаны и распашные

¹ Vos M.F. Scythian archers in archaic vase-painting (Archeologia traectina. Vol. VI). - Groningen., 1963. - P. 61, 85; cp.: Lissarrague F. L'autre guerrier. - Paris, 1990.

безрукавки, длинные широкие плащи. Горизонтальный ворот мужских рубах обшивался рядом полуovalных пластинок. Женские платья длиной от щиколоток до пят чаще всего были декорированы поперечными рядами бляшек или бус ниже локтя и отчасти у края ворота, изредка имели вертикальную полосу декора; у девочек известны образцы с резко расширяющимися рукавами, линией декора поперек груди; у воительниц бытовали платья с глубоким боковым разрезом подола.

Женщины носили распахнутые юбки разной длины и своеобразный передник (из двух частично сшитых полотнищ; конец более длинного из них подворачивался сзади, обхватывал бедра и повязывался на боку). У мужчин известны штаны разной ширины (их декор заключался в нашивке размещенных снаружи лампасов, в шитье из сплошь узорчатой ткани или изготовлении лицевой и тыльной сторон штанины из ткани с разным узором) (у женщин штаны предполагаются), обувь в виде двусоставных полусапожек-скификов (у высшей знати она имела длинные острые носки), реже - высокие кожаные чулки и матерчатые ноговицы. Женской обувью были цельнокройные туфли с декором носков из рядов бляшек, носившиеся в комплекте с чулочками и полотняными обмотками. Мужские пояса подчас были очень широкими, крепились пряжкой или завязками на левом боку и украшались набором однотипных золоченых бляшек (известны и женские наборные пояса). Наплечное украшение обоих полов («сеточка» из золотых пронизок и подвесок) имеет, видимо, греко-персидское происхождение.

Головные уборы женщин представляют несколько специфических цилиндрических форм («калафы» и «тиары» с длинным покрывалом, экземпляры с низким верхом и длинными поушниками), конусовидные (как с обильным золотым декором и покрывалом, так и скромные рядовые детские с наверху в виде кольца или фигурки птицы), башлыки (с округлым верхом и длинным широким назатыльником; кожаные уборы воительниц с обручем на лбу) и головные повязки девочек и девушек из ремешка с вплетенной в него бусиной или с декором из бус черного, синего и желтого цветов. Наличие у погребенной женщины (Чертюмлык) сразу 4 головных уборов можно объяснить, по аналогии с персами, различиями двух основных сезонов и включением для каждого сменного убора. Мужскими головными уборами были башлыки (с невысоким заостренным верхом и длинным широким назатыльником; с овальным высоким или облегающим верхом и в виде высокого конуса), маленькие полусферические шапочки, головные повязки (двойная с тремя узлами на висках; декорированная рядом бляшек и со свисающим на темени коротким концом). В целом выделено 7 новых видов головных уборов.

Для мужских причесок характерны: небольшой узел надо лбом при разной длине волос; завивка (спиральными или трубчатыми локонами всех волос или только подвигание их концов наружу, что отмечено и у женщин); коса разной длины; пропускание короткой пряди волос через коническую втулку на макушке; ношение гребня сзади в волосах.

В костюме часто использовались пестрые ткани (с узоров в виде кружков, треугольников из точек или крестиков), реже - полосатые. Предпочитали яркие расцветки (алый и пурпурный цвета; сочетание красного и зеленого, оранжевого). Мужской силуэт был сигаровидным, женский плавно расширялся книзу. У мужчин акцент во внешнем облике делали на узкой талии, пышных висащих усах, на оформлении прически, декоре бортов и разных частей рукавов кафтана, пестрой расцветке штанов. У женщин не было принято акцентировать внимание на груди и бедрах.

В изображениях персонажей на каменных изваяниях и на греко-скифской торевтике характерны известные условности (связанные с кругом изображенных персонажей). Так, в первом случае у мужчин господствуют вислые усы без бороды, а во втором - более короткие усы с окладистой бородой. На торевтике в группах персонажей подчас противопоставлены имеющие шаровары с рисунком ткани из рядов крестиков и из кружков (последние во многих случаях явно изображают младшего спутника героя, подчиненных лиц, терпящих поражение врагов); в разных сценах с парой персонажей головной убор всегда представлен у правого, на налобные повязки, напротив - у левого. На ней наибольшая детализация характерна всего для трех из из-

вестных мифо-эпических сюжетов (битва двух пар воинов, битва двух воинов с фантастическим хищником, пары сидящих воинов). В целом изображения на торевтике содержат ряд точных соответствий с местными каменными изваяниями и очень разнообразны по облику; т.о., мнение о том, что здесь «костюмы переданы обобщенно» и отражают «тип условного фольклорного скифа», заказанный мастеру в далекой Греции¹ не подтверждается.

В параграфе 3 анализируется костюм «пазырыкцев» Горного Алтая. Всесторонняя характеристика его впервые дана автором. На фоне других иранских этносов древности он специфичен, прежде всего, головными уборами типа 1 (с деревянным гребнем и несколькими скульптурками фантастических животных 2-4 видов), уборами типа 2 (с колпачком для косицы и навершием в виде «лепестка» с фигурками птиц по краю), плечевой мужской одежды с наличием сзади длинной фалды или полуовального выступа (имитация хвоста священного животного), женскими полуовальными удлиненными нагрудниками, париками на основе конского волоса и обожженных зерен злаков. Для него также характерны большая трудоемкость декорирования, оригинальная орнаментация (стилизованные петушки, фантастические рыбы, «змеинная чешуя», некоторые варианты растительных побегов и др.), широкое применение часто простеганных сухожильными нитями предметов (в эстетических целях и для увеличения носкости), кожаных ажурных аппликаций и отделки конструктивных швов красной тесьмой. Часто меняли природный цвет меха на синий, красный или зеленый, использовали пучки конского волоса, окрашенные красным. У обоих полов полный перечень одежды был отчасти сходен (у знати - нательная рубаха, короткий kurtak, шуба kandys с очень узкими ложными рукавами и плащ, головной убор типа 1 [остальные типы не совпадают], войлочные сапоги и чулки). Для аристократии обоих полов на изображениях характерны достаточно узкие одеяния, удлиненные тонкие конечности, мужчинам свойственны тонкая талия, бритье бороды. Большое значение данный костюмный комплекс имеет в связи с удовлетворительной сохранностью многих образцов одежды, которая позволяет достоверно представить детали ее кроя (экономный крой из обрезков, большая ширина плечевой одежды, невысокий стоячий ворот женского платья, накладные треугольные карманы, крой ноговиц и войлочных сапог из 4 частей и др.). Отсутствие массивных золотых вещей в Пазырыке диссертант трактует как результат ограблений (у аристократии золотые украшения одежды, видимо, не сводились к покрытию золотой фольгой), а изготовление пластин и пряжек наборных поясов, деталей гривен из дерева - как погребальную имитацию вещей, оставшихся в семье.

Особенно богат был декор парадного мужского kandys (изображения на спинке «космических» оленей или сплошное покрытие тысячами золоченых пуговиц, разноцветными кожными квадратиками и «чешуей»). Преобладали три цвета - красный, белый и синий, часто в сочетании, реже - черный и зеленый. Для одежды Пазырыка характерны 2-3-цветная гамма плечевой одежды. Ряд предметов окрашивался только в красный (штаны, детали поясов, уборы типа 1), а юбки и обувь были с белой и красной полосами. Головные уборы типа 1 подчас украшались воткнутыми перьями или деревянными обручами с зооморфными композициями. Выявлены дополнительные закономерности размещения зооморфных образов на татуировках пазырыкских мумий («леопарда чжу», монстра на основе образа горного козла и др.).

Локальные особенности пазырыкского костюма проявились, прежде всего, в декоре мужских поясов, головных уборов и женских нагрудников. Имеются и другие отличия. Так, только в западных могильниках ткани включали подчас верблюжью шерсть и волос, только здесь с умершим помещали штаны; лишь на плато Укок известны войлочные сапоги и т.п. На парадных распахнутых одедах подол имеет фигурные выступы (напоминающие либо длинные фалды фрака, либо полуовальный хвост бобра). У этнографических алтайцев древние традиции скиф-

¹ Ср.: Сагостина Е.А. Греческая торевтика на «скифские» темы: заметки о стиле скульптурного декора // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной конференции. - СПб., 1999. - С. 200-201.

ской эпохи сохранились в первую очередь в крое обуви и в таких консервативных элементах, как декор шаманского костюма и отдельные типы женских причесок, поясов.

Параграф 4 посвящен раннему костюму хорезмийцев низовий Амударьи (IV-III вв. до н.э.). Он характеризуется как резким различием полов в ношении плечевой верхней одежды (у мужчин - только распахная, у женщин нераспахная) и принципиальными различиями в характере ее декора, так и целым рядом общих черт у обоих полов (плащи-накидки до колен с каймой; полусапожки, короткие прически без пробора). Силуэт мужской одежды облегал контуры тела, женский обычно имел форму цилиндра. Женское глухое платье с высокой кокеткой было длиной до пят и обычно украшалось у подоле полосой зигзага. Мужские кафтаны имели полосу отделки на бортах и подоле.

Мужские наборные пояса украшались квадратными бляшками; женские матерчатые кушаки имели длинные свисающие концы. Среди мужских головных уборов наиболее специфичны некоторые башлыки (полусферический с острым выступом на макушке, носившийся, видимо, поверх платка; невысокий конусовидный с широкими поушниками), облегающая шапочка с острыми «ушами» по бокам и «пилотка». У мужчин известны очень короткая стрижка, подвигание концов волос внутрь, бороды разных фасонов при выбритых усах.

В заключительном параграфе главы 1 рассмотрены общие тенденции и элементы в костюме этносов скифо-ахеменидского времени и предложена реконструкция облика костюма древнейших иранцев.

Компаративный анализ наиболее полно документированных костюмных комплексов ираноязычных народов этого периода позволяет выявить их *общие черты* и таким образом ретроспективно представить себе общую древнюю основу некогда единого комплекса протоиранцев. Однако для реконструкции костюма *более ранней иранской общности* надо делать серию важных поправок: они связаны с появлением мировой империи Ахеменидов и ее влиянием на родственные ираноязычные этносы, с распространением из Элама (А. Оппонгейм) золотых бляшек-аппликаций костюма знати, со значительной ролью миграций кочевников в западном направлении, с усилением международной трансевразийской торговли, с влиянием на этносы разных частей иранского мира костюма и аксессуаров греческих государств, Китая. Проблема также заключается в том, что район сложения иранской общности пока *не выяснен* и является в ученом мире предметом острых дискуссий.

Отдельные предположения о составе древнейших общих элементов костюма иранцев высказывались и ранее. Так, А.Шахбази допускалось, что в их список должны войти халат (кандис), кафтан, башлык с поушниками и острым верхом, штаны я башмаки¹. К сожалению, состав этого списка не аргументирован и тем более не уточняет особенности силуэта и системы декора этих предметов. Ряд авторов связывает происхождение костюма иранских народов с «андроновской» культурной общностью эпохи бронзы, занимавшей значительную часть Центральной Азии. Из приведенного списка характерных элементов «андроновской» одежды² наиболее «перспективными» с точки зрения совокупности собранного мною материала по началу эпохи раннего железа кажутся высокие конусовидные головные уборы и высокие кожаные сапоги, отчасти - нагрудники и трубчатые ворворки для продевания в них пряди волос на макушке (два последних элемента могут быть результатом контактов не сколько этнических, сколько региональных). Однако наиболее яркие, характерные «андроновские» элементы - короткое женское платье длиной лишь немного ниже колен; пояс со свисающими амулетами; декор металлических бусами; сложные наконечники украшения; цветовая гамма женских головных уборов (желтый, красный, синий) и их особый бусинно-бляшечный декор - совершенно не свойственны ранним достоверно ираноязычным народам. В последующую скифскую эпоху *единичные* традиции андроновского костюма (вязанные шапочки, украшенные рядами бронзовых бляшек;

¹ Shahbazi A.S. Clothing... - P. 723.

² Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоары? Материальная культура андроновской общности и происхождение индоиранцев. - М., 1994. - С. 158-159.

поясная одежда, декорированная клыками животных) сохранялись у отдельных, самых восточных групп предположительно иранских народов, в частности у носителей татарской культуры, но эти исключения только подтверждают отмеченное правило. Вероятно, разгадку формирования комплексов костюмов ираноязычных народов древности можно попытаться решить, анализируя материалы самых *различных культур* эпохи поздней бронзы на *всей* территории будущей иранской общности. К сожалению, специальные детализированные обобщения по костюму этих общностей пока отсутствуют. Вместе с тем, отдельные известные автору яркие находки обнадеживают. (Так, в могильнике Загунлук эпохи поздней бронзы в Синицзяне найден халат типа *kandys*; а Узбекистане документирована традиция обшивки бисером края женских шаровар; аналог поздних женских цилиндрических головных уборов обнаружен в Вербках 2 под Днепропетровском).

Для ретроспективной реконструкции *списка элементов костюма древнейшей иранской общности* надо сопоставить общие черты пяти наиболее документированных ираноязычных этносов (скифы ранние и «классические» рассматриваются отдельно), с учетом отрывочных данных по этносам - персидским данникам Западного Туркестана, остатков одежд саков Семиречья и изображений из Юго-Западной Сибири и Тувы. Для всех или большинства названных групп характерны следующие элементы костюма, которые можно предположительно считать *общеиранскими*. 1) Короткие распашные кафтаны (носившиеся либо запахнутыми налево, либо скрепленные 2-3 застежками, либо с не заходящими друг на друга полами, держащимися лишь поясом). 2) У большинства групп явно бытовал носившийся внакидку парадный халат / шуба типа *kandys*. 3) Мужские штаны с лампасами. 4) Высокие конические головные уборы. 5) Мужские кожаные *наборные* пояса с набором однотипных металлических бляшек на ремне. 6-7) Полусапожки и, вероятно, туфли. 8) Мужские ноговицы, крепившиеся на лямках к поясу.

Кроме того, выделяется ряд черт, *общих для значительной части* иранского мира. Так, ношение высоких сапог было характерно для многих групп на востоке (впрочем, не исключено, что это просто изначально особенность различных *горных районов*). При этом здесь не документированы изображения и находки головных повязок. Кафтаны со скошенным в нижней части к бокам подолом характерны для группы этносов, происходивших из Западного Туркестана.

Глава 2 «*Хунно-сарматское время (III в. до н.э. - III/IV в. н.э.)*» является наиболее обширной в диссертации и состоит из девяти параграфов. Первые семь из них посвящены костюмным комплексам конкретных этносов.

В *параграфе I* рассмотрен костюм Ирана ори парфянской династии Аршакидов, ранее исследовавшийся, прежде всего, В.С.Картис¹. Можно сформулировать новые важные выводы, касающиеся его специфики.

Распашная одежда и шаровары были мужскими атрибутами. Распашные кафтаны-*kurtak* не длиннее колен в ранний период в основном запахивались или застегивались различными способами (специфично крепление бортов на всю их высоту с помощью серии парных петель). Часть этих кафтанов имеют дугообразное углубление на подоле, что, видимо, имитирует крой нераспашной верхней одежды бывших соседей предков парфян - парное в Западном Туркестане. Старшие Аршакиды (Артабан I, Ород II) подчас представлены на монетах в трех разных вариантах богато декорированных *kurtak*, в поздний период Младших Аршакидов (после 12 г. н.э.) их чаще носили с меховой опушкой. Для времени Младших Аршакидов характерно большее распространение нераспашной одежды (даже обожествленный основатель династии на реверсах монет стал изображаться в подобной одежде с конца I в. до н.э.), а распашная часто носилась наглухо застегнутой (последняя декорировалась наиболее богато). У распашной и не-

¹ См. прежде *cero: Curtis V.S. The Parthian costume and headdress // Das Partherreich und seine Zeugnisse. - Stuttgart, 1998; Curtis V.S. Parthian culture and costume // Mesopotamia and Iran in the Parthian and Sasanian Periods. Rejection and Revival c 238 BC - AD 642. - London, 2000; Kawami T.S. Clothing in the Arsacid Period // Encyclopaedia Iranica. - Vol. V. Fasc. 7. - Costa Mesa., 1992; Пилишко В.Н. О костюме парфян..*

распашной одежды знатных мужчин известны рукава длиннее руки с удлинненной веслообразной нижней частью. Нераспашные одеяния носились приталенными (даже без пояса, что обеспечивалось соответствующим кроем) и имели богато оформленные высокие обшлаги; у мальчиков на них нашивались «погоны». Предполагается наличие стеганой одежды. Из плащей для парфян характерны широкая парадная мантия до колен, скальывавшаяся в центре груди и греческий himateon, носившийся в скрученном виде на левом плече жрецами. Женщины часто носили два платья, нижнее из которых было длиннее (иногда его рукава имели разрезы, скрепляемые серией парных лент).

Мужские шаровары всегда заправлялись в обувь. Их блестящий декор на вертикальной линии цветной ткани, идущей спереди, часто дублировал аналогичные украшения прилегающих предметов костюма (плечевой одежды или обуви). Господствующим типом последней были полусапожки. Они повязывались у шиколоток лентой с длинными, часто свисающими до земли концами. Очень интересны единичные изображения в поздний период высоких сапог с треугольным выступом под коленом или на высоком каблуке (персонажи рельефа в Кух-и Камальванеде).

У мужчин преобладают конусовидные головные уборы, среди которых - высокий узкий с широким назытыльником; во все периоды распространены повязки-диадемы (со времени Фраат-ака, правившего на самом рубеже н.э., они повязывались сзади крупным бантом). До середины П в. до н.э. правители сохраняли традицию ношения кочевнического башлыка с мягкой вер-хушкой. Среди оригинальных парфянских (относящихся исключительно к позднему периоду) уборов и начельных украшений мужчин отметим маленький цилиндр с цилиндром же наверху и диадемы с очень крупными сложными бантами сзади. Для женщин специфичны высокий плотный берет и шляпа со «вздутыми» полями.

Преобладающим видом пояса у обоих полов был матерчатый кушак (часто на изображениях он разделен горизонтальной линией). Для кожаных *наборных* поясов характерны накладки в виде ряда квадратных блях с разнообразной орнаментацией (с преобладанием геометрических мотивов). Со П в. н.э. известна серия поясов, сплетенных из золотых цепочек с девятью крупными медальонами.

У мужчин, видимо, преобладали короткие прически с зачесанными назад волосами. Для аристократов характерны очень сложные прически, требовавшие завивки волос и, видимо, использования накладных шиньонов (они образовывали три полусферических выступа у висков и реже - также на макушке). Один из таких типов был введен еще Митридатом I (171-138 гг.), другой много позже - Осроем I (109-129 гг.). Для косметики обоих полов специфично использование круглой метки в одной из трех точек на лице, впервые носившейся Ородом II (57-38 гг.).

В поздний период силуэт мужской фигуры ниже уровня груди напоминал ромб. Женский силуэт близок к цилиндру. Особый акцент делался на передаче многочисленных складок, деталей прически и бляшек нашивной каймы (менее яркой по окраске, чем фон), у знатных женщин - на 2-3 золотых колье с крупными подвесками. Для отделки одежды характерно использование полос ткани с однотипным орнаментом для украшения сразу нескольких предметов (плечевая одежда, штаны, обувь). В декоре парфянских тканей позднего периода господствуют сетка из ромбов или полоса отделки с рядом ромбов (внутри которых помещены точка или маленький ромб). Цветовая гамма одежды в раннее время сине/голубо-белая; в поздний период она была красной/розовой, синей или зеленой. Верхнее и нижнее женские платья могли иметь красный и белый цвета. В целом любимыми были разные оттенки красного и синего.

Важной особенностью парфянского костюма была, видимо, *личная инициатива ряда правителей* во введении новых форм среди знати или только членов царского рода. Наши наблюдения позволяют считать активными в этой области, как минимум, десять правителей (Митридат I, Артабан I, Готарз I, Фраат III, Ород II, Фраат IV, Вонон I, Фраатак, Готарз II, Осрой II), менявших типы головных уборов или прически, декор кафтана и мушки на лице. Можно пола-

гать, что в ряде случаев подобные новшества могли вноситься раньше, чем они появляются на монетах.

Рассмотрение данных по мужскому и женскому костюму обоих периодов позволяет прийти к заключению о наличии *общеемперского костюмного комплекса знати*, который использовался не только этническими парнами-парфянами. Специфика семитского костюма Верхней Месопотамии (Хатра, Ашшур), костюмов Эламаиды, Мидии и Парса проявляется весьма слабо (некоторые типы женских головных уборов в первом из регионов; более раннее господство нераспашной одежды во втором). В целом, в регионах представлен, прежде всего, *общеемперский костюм знати*, носившийся различными этносами (именно его диссертант характеризует как «парфянский»).

Параграф 2 посвящен анализу сармато-аланской одежды европейской Степи сарматской эпохи (рубеж IV-III вв. до н.э. - конец IV в.н.э.), по которой сегодня накоплен самый большой объем материала (в основном по остаткам ее декора в погребениях, не опубликованного и впервые вводимого в научный оборот). То был период этно-политической нестабильности в степях Сарматии, являвшихся своеобразным проходным коридором для более восточных групп кочевников. Эта одежда до сих пор не изучена весьма слабо (наибольшее внимание уделялось т.н. «сарматизации» одежды соседей). В наших материалах преобладает информация, свидетельствующая о яркой *хронологической* (по основным этапам «сарматских» археологических культур) *специфике костюма*. Наличие подобных серьезных различий связано с появлением в европейских степях каждые 1-1,5 столетия новых волн восточных кочевников, которые часто (независимо от своей численности) становились политическими гегемонами на обширных территориях. Их костюм несет отпечаток связей с восточными прародинами. Наиболее яркие особенности одежды свойственны периодам 3 и 4 (нач. I — сер. II вв.; сер. II - сер. III вв.), в то время как специфика периода 1 (кон. IV - сер. II вв. до н.э.: «скифоидные» культуры) и наиболее позднего периода 5 (2-я пол. III - кон. IV вв.) на фоне сарматской эпохи в целом пока почти не прослеживается (речь не идет, разумеется, о *мелких костюмных аксессуарах*, как импортных, так и местных, вроде фибул, гребней, пряжек, типов бус и т.п.).

Для периодов 1 и 2 в целом (кон. IV в. до н.э. - нач. I в. н.э., «раннесарматская культура») характерны такие элементы, как полосы декора вдоль пройм рукавов и на «погонах» плечевой одежды, тип мужской прически без пробора с выровненными на уровне лба волосами. Только периоду 2 свойственны ношение обоими полами одежды с «погонами» и с бахромой на подоле, бытование мужские наборных поясов с рядом однотипных накладок.

Наиболее яркий в истории Сарматии период 3 (нач. I - сер. II вв., «среднесарматская культура») характеризуется ношением обоими полами длинных роскошно оформленных халатов, туфель с округлым носком, мужской простеганной плечевой одежды, пары мужских поясов («парадного» и портупейного) и поясов с разнотипными накладками, включающими украшенные эмалью наконечники ремней; женские диадемы с однорядным размещением основных украшений (часть из них украшена золотом и содержит изобразительный мотив Древа жизни с предстоящими животными); женские платья с горизонтальной линией декора на груди (край высокой кокетки?), украшенной золотыми бляшками с цветной эмалью.

Периоды «позднесарматской культуры» 4 и 5 (сер. II - кон. IV вв. н.э.) объединяют бытование женского платья из бретельках, скрепляемых на плечах парой фибул; высокие сапоги и остроносые туфли, декорирование разрезов платья рядом бус или бляшек, дисковидные украшения застежки плаща на плече. Для периода 4 (сер. II - сер. III вв. н.э.) специфично употребление для декора женской плечевой одежды фигурных пластинками из перламутра и набором из двух типов бляшек (каплевидные и в форме полусферы), а рукавов ее - 4 рядами разнотипного бисера; крепление мужских плащей на плече железной пряжкой; женские диадемы с трехрядным размещением украшений; длинная коса с подвесными украшениями у женщин; мужские наборные пояса с фасетированными деталями и женские, украшенные рядом бронзовых пронизок.

В целом своеобразие сармато-аланского костюмного комплекса определилось как несколькими волнами миграций номадов с востока, так и многовековыми контактами с греко-римскими соседями и государствами Кавказа, активной вовлеченностью кочевников Сарматии в мировую политику и торговлю. Античные письменные источники по сармато-аланскому костюму, несмотря на свой незначительный объем, при сопоставлении с археологическим материалом (и в ряде случаев - с этнологическими материалами по иранским народам) демонстрируют в целом объективность и большую познавательную ценность. Это относится и к наблюдениям иранского характера о силуэте (Tacit. Germ. 17) и о родственных связях сарматского костюма в иранском мире (Pomp. Melae. De Chorogr. III. 34). Большинство таких сведений относятся к I-IV вв. н.э.

В параграфе 3 рассмотрен костюм юэчжей/кушан Бактрии. Ему свойственна преемственность от периода политической раздробленности (кон. II в. до н.э. - сер. I в. н.э.) (ярко представленному в «золотом» могильнике Тилля-тепе, методы реконструкции одежды которого детально обосновываются) к имперскому (сер. I - сер. III вв.). Для этого этнического комплекса специфично бытование разнообразных форм мужских и женских халатов, сохранение древнего кандаса (однако он носился уже в рукава), мужская нераспашная одежда с оборками или воланами на подоле и рубаха с косым воротом, повязанным лентой. Оригинальные женские платья с глубоким треугольным вырезом ворота и нераспашная шуба с очень глубоким разрезом. У обоих полов встречается сочетание верхней одежды с короткими, расширяющимися рукавами и нижней с длинными узкими. Мужские халаты аристократов часто носились застегнутыми высоко на груди фибулой, а полы свободно расходились в стороны. Специфичен декор мужской одежды из тканей «в сеточку», из рядов треугольников из бляшек по краям. Преобладающая цветовая гамма одежды - бело-красная. Одежда обоих полов была свободной и довольно широкой, талия обычно не подчеркивалась. Основной акцент у мужчин делался на передаче деталей головного убора и пояса, бляшечной каймы, а у женщин - на изображении дорогого ожерелья и прически.

Характерны мужские пелерины в виде круга и креста с заостренными концами и ритуальные передники. Головные уборы преобладают конусовидные с декором вертикального шва надо лбом, у женщин бытовали уборы в виде высокого уплощенного гребня. Мужские штаны специфичны вертикальным рядом из квадратных бляшек или двух рядов круглых, тканями со сплошным декором из точек или сердечек; их нижний край (как и ремни обуви) мог крепиться крупной круглой пластиной с петлями. Наборные мужские пояса часто имеют копьевидную подвеску; бляшки обычно квадратные, реже - круглые или сочетание первых и вторых, орнамент на бляшках - цветочные розетки. Мужские полусапожки часто имели удлиненные прямоугольные (и гофрированные) носы. Лицо украшалось красными «мушками» с оригинальным размещением.

Костюмные новшества, несомненно, могут быть связаны с такими выдающимися правителями Кушанской империи, как Канишка I (100/120-126/146 гг.) и Хувишка (126/146-164/184 гг.). С первым можно соотнести появление поясов с копьевидной подвеской, халатов с отложным воротником и исчезновение царских диадем и ряда уборов, повязанных лентами. Последний, вероятно, ввел богатый декор пройм рукавов халата и вертикальной полосы на груди рубахи, перестал носить цилиндрические головные уборы; он принял также некоторые парфянские элементы декора и застегивания парадных рубах.

В параграфе 4 анализируется костюмный комплекс хорезмийцев ванданского периода. Для него специфичны манера плотного застегивания кафтанов лишь в верхней части и обшлага их с белой полосой; у женских халатов - прорези у бортов при отсутствии рукавов; припаленные женские платья, часто - с высокой кокеткой из белой ткани. Женский плащ иногда завязывался на плече сложным бантом. Ряд мужских головных уборов с конусовидной основой были традиционно красного цвета; специфична шапочка с имитацией ушей копытного на полях; то же можно сказать о женской прическе с нависающим надо лбом сложным узлом. Мужские штаны стигивались ремешком чуть выше голенищ полусапожек. Очень интересна дифференциация

плечевой одежды полов по цвету (преобладания у мужских кафтанов черной окраски, а у ЖЕНСКИХ ПЛАТЬЕВ-розовой); в целом мужская цветовая гамма выглядела более яркой и контрастной. Женский силуэт пришироких плечах заметно сужен у талии и ниже расширяется клиньями подола, у мужчин при узких плечах наблюдается сужение у талии, расширение до щиколоток и вновь сужение у стоп. Особенно подчеркивался декор ворота и края рукавов; у женщин основное внимание уделялось декоративно украшенной груди (обильная красная вышивка на высокой кокетке) и крупным сергам.

Параграф 5 посвящен сложной задаче выделения в южных, индийских районах Кушанской империи (Гандхара, Магхура) специфического костюмного комплекса т.н. индо-скифов и индо-парфян (проникших сюда раньше кушан и часто изображавшихся вместе с ними); один из основных критериев при этом – отсутствие или наличие элементов в достоверно кушанской Бактрийской живописи. Он представлял собой, главным образом, изображениями адорантов на буддийских рельефах. К наиболее важным специфическим особенностям их мужского костюма кушанского времени можно отнести очень широкую полосу декора на бортах кафтана, особый карман, пришитый слева на груди и капюшон (он известен у женщин) у нераспашных одеяний; штаны с вертикальным рядом квадратных бляшек и двумя полосами по бокам, обувь с носами, загнутыми внутрь, некоторые типы головных уборов (в форме широкого полосатого валика, башлыка с плоским диском на макушке и низкого широкого конуса), пояс, сплетенный из 12 шерстяных веревок, и типы бляшек, украшающих пояса (овальные; дуговидные; круглые; сложная композиция из бляшек трех форм). Женский костюм отличался приталенной одеждой разных типов; распространены были длинные узкие штаны в сочетании с короткой рубашкой. Оригинальны головные уборы с толстым околышем и разнообразные «~~коры~~» (не у царик). Волосы покрыты разноцветной (обычно – сетчатой) тканью с отверстием для пряди волос на макушке (иногда прядь проходила через него и специальную металлическую трубочку). Для причёски специфичны также короткие косы, покрытые мешочками из ткани, и разнообразные формы завитки волос над лбом.

Мужской силуэт был ближе к контурам тела, чем у кушан. Преобладающий цвет одежды (адорантки в Халде) – белый или бело-красный. Интересной особенностью костюма индо-скифов является то, что костюм обоих полов иногда был совершенно идентичен (два крайних левых персонажа в обоих ярусах рельефа из Чарсады «отрок Гаутама едет в школу»); у некоторых женских персонажей встречен такой «мужской» элемент, как наборной пояс. Не менее оригинальны изображения, где маленький мальчик одет в точности так же, как его отец.

В параграфе 6 рассмотрен костюм согдийцев (район Самарканда-Бухары) данного периода, представленный на терракотах. У мужчин господствует в качестве верхней короткая нераспашная рубашка, редкие кафтаны наглухо застегнуты; оригинален головной убор в форме удлиненного цилиндра. У женщин сохраняется древний kandys (но более длинный – до пят), платье часто имеет вертикальную полосу декора. Для них специфичны головные уборы в форме низкого широкого цилиндра, «чалмы» со сложным узлом над лбом, плоского валика с подчеркнутым каркасом из лент и причёски со сложным узлом над лбом (к которому иногда крепилось покрывало). Уникальны туфли на высоком каблуке. Знаки краской на лице женщин наносились в нескольких вариантах, иногда они имеют форму буквы «V». В одежде обоих полов были популярны пришитый складчатый подол и рукава из пестрой ткани, отличающейся от основного фона одежды; головные уборы и начальные украшения с декором из concentрических кружков. Мужской силуэт близок к контурам тела и несколько удлинен, женский широк и приближается к цилиндру. Основные декоративные приемы: пошив из пестрых тканей (целиком или только рукавов или подола); декоративная полоса вдоль швов рукава и штанин; полоса декора на бортах распашных одежд и вертикальная полоса на нераспашных.

В параграфе 7 анализируется ранняя одежда хотанцев (юго-запад китайского Синьцзяна), документированная, в основном, керамическими изделиями городища Йоткан. У женщин наблюдается преобладание верхней распашной одежды, у мужчин – нераспашной; у первых силуэт напоминал слабо расширяющийся книзу конус, у последних был сигаровидным. Одежда была свободной и подпоясывалась изредка. У женщин акцентировалось внимание на сложной причёске и необычайно широких, богато декорированных рукавах. У них наиболее интересны

халаты с резко расширяющимися книзу рукавами, иногда украшенными вдоль шва бахромой и короткие, наглухо застегнутые кафтаны. Хотан был, видимо, родиной распашной одежды с *одним правым лацканом, а также двумя лацканами*, которая позже (в V-VI вв.) распространилась на запад. У мужчин нераспашная одежда с «сасанидским» подолом (подол и его боковые разрезы декорированы единой полосой цветной ткани) известна до ее появления в Иране, носилась в качестве нижней и декорирована полосой зигзага. Известен также подол с 6 клиновидными выступами, украшенными бубенцами.

Из головных уборов специфичны мужские цилиндрические шапочки с козырьком, шляпы с узкими, загнутыми внутрь полями и чалма, женские уборы в виде цилиндра с округлым краем и характерным декором (надо лбом размещено кольцо, от которого в стороны отходят ленты). Специфичны для Хотана сложные женские прически с крупным узлом на макушке (в том числе - намотанным вокруг палочки или покрытым специальным чехлом), с навиванием множества косичек на прямоугольный, стоящий вертикально каркас и др.; мужчины обычно гладко брились и носили короткую стрижку с пробором. У женщин на лбу наносились кружок или короткая линия.

Заключительный параграф главы 2 характеризует *общие тенденции и элементы в костюме этносов гунно-сарматского времени*. В целом в масштабах иранского мира произошедшие в Евразии в гунно-сарматскую эпоху экологические, политические и культурные перемены вызвали рост миграций племен (и, соответственно - распространение ряда общих элементов на обширные территории), резкий рост импорта разнообразных высококачественных тканей, распространение на обширные территории новых ювелирных стилей (поздних версий «бирюзово-золотого звериного стиля», а также «сердоликового» и гранатового «клуазонне» с золотыми перегородками).

В это время мы видим целый ряд *общих черт* у различных ираноязычных народов. В их числе: рост значения нераспашной одежды в качестве верхней; распространение халатов, и отчасти - стеганой одежды; распространение приталенных платьев и в западных районах - женской одежды типа греческого chiton; сохранение в ряде случаев поздних модификаций шубы kandys; встречаются крой нераспашных одеяний с 3 или 6 острыми клиньями на подоле или с дугообразным углублением на подоле и резкое расширение подола клиньями; нераспашная одежда с вертикальным разрезом ворота, с нагрудным карманом и косоворотки; распространение коротких узких плащей, сколотых на плече; декор плечевой одежды (реже - других элементов костюма) вдоль швов рядом нанизанных на ремешок золотых трубочек-пронизок; «погоны» на плечах; накладной горизонтальный воротник в виде полосы с рядом однотипных бляшек; бытование золотых диадем с изображением Мирового древа и птиц; мужские головные уборы с лентами по нижнему краю (со свисающими сзади концами) или с круглой бляшкой на лбу; береты; короткое женское головное покрывало; появление женских шарфов; шаровары с вертикальной полосой ткани или рядов бляшек над коленом; распространение наборных поясов и поясов с крупными парными пряжками; комплект из портупейного и «парадного» мужских поясов; распространение в западных и юго-западных районах и в Хотане высоких сапог (подчас с треугольным выступом под коленом); крепление края шароваров и полусапожек крупной дисковидной застежкой; в ряде стран документированы единичные находки сапог или туфель на высоком каблуке (это новшество не получило дальнейшего развития); широкое использование в качестве материала одежды знати шелка, золотой парчи, реже - вышивки жемчугом; преобладание на нашивных бляшках костюма геометрических и растительных орнаментов; распространение фибул; красные «мушки» на лице (как правило, круглой формы); распространение деформации черепа в детстве.

Эти общие черты могут объясняться в одних случаях последствиями миграций кочевых ираноязычных племен (почти исключительно в западном или юго-западном направлениях); в других они были следствием влияния таких крупных держав как царство Селевкидов и Парфия

и в меньшей степени - державы Хунну, Римской и Кушанской империй (политических связей с ними, влияния декора и технологии пошива одеяний высшей знати).

Глава 3 «Сасанидское время и раннее средневековье (III/IV - VII/VIII вв. н.э.)» состоит из семи параграфов; первые пять из них посвящены костюмным комплексам конкретных этносов.

В параграфе 1 анализируется костюм **персов** времен Сасанидов. Он изучен пока явно недостаточно в ряде статей и разделе монографии Дж.Зиапура¹. Его бытование диссертант делит на два периода, рубеж между которыми проходит, видимо, в середине V в. Вероятно, за короткий срок (судя по имеющимся материалам, в основном в сравнительно благополучном начале трагичного для Ирана правления Пероза, 457-484 гг, т.е. в 60-х годах) в костюме отмечены серия новшеств и забвение ряда старых форм. Это появление в мужской плечевой одежде «вздутого» подола, где края боковых разрезов и нижний край декорированы широкой полосой цветной ткани и исчезновение коротких кафтанов и мужских плащей; длинные женские халаты и платья на особых бретельках, платья отрезные по талии с разрезом спереди на подоле; на мужской нераспашной одежде исчезает ворот с треугольным вырезом и появляется невысокий стоячий; исчезают мужские островерхие головные уборы kulah и пояса из тканей (кушаки); меняется декор ворота мужской одежды в целом, исчезают наплечные круглые медальоны и появляются высокие обшлага рукавов, женские платья из пестрых тканей, высокие мужские сапоги с треугольным выступом под коленом или с голенищем раструбом и мужские шляпы. В причёске у мужчин длинные бороды сменяются бритьем лица или короткими бородками; у девушек и женщин вместо трех или двух кос сменяется господствуют четыре (часто с рядом пронизок конусовидными пронизками по всей длине или на концах или с подвесками). Характерные «вздутый» подол с разрезами и сапоги с выступом нет оснований связывать с эфталитским влиянием этого времени², т.к. их единичные изображения известны еще при парфиянах.

При Сасанидах в распашной одежде у женщин сохранялся кандис; у мужчин кафтан подчас шился из шкур со свисающими прядями, а нижние края бортов могли скашиваться; он часто крепился парными круглыми или каплевидными застежками или двумя парами галунов. Нателная одежда в это время персами почти не носилась. В нераспашной мужской одежде (которая в позднее время стала господствующей) характерны различные фигурные подолы (с полуовальным выступом спереди и боковыми разрезами - с IV в.; «вздутый» с боковыми разрезами и иногда - вогнутым нижним краем - с середины V в.; с треугольным выступом - VI-VII вв.). Жреческие пелерины круглой формы по краю чаще всего украшались рядом звезд. Женские платья длиной до пят часто имели по нижнему краю волан или ряд оборок; иногда носилось и платье с бретельками (концы которых оформлялись на манер современного мужского галстука); они имели наплечные медальоны-orbiculi (как и мужская нераспашная одежда), а по бокам подола - круглые или квадратные вставки. Известны и короткие платья с разрезом спереди. Иногда поверх платья носилась короткая рубашка с фестончатым подолом.

Мужчины из высшей знати носили конусовидные колпаки kulah, украшенные на боку фамильной тамгой, у правителей они имели зооморфные навершия (голова орла). Известны башлыки с длинным узким верхом, украшенным вдоль шва рядом шариков. Для женщин специфичны яйцевидные шапки (парицы), конические шапочки с окольшем и шариком на макушке (танцовщицы) и покрывала из пестрых тканей, крепившиеся булавками к волосам на затылке. Диадемы-повязки у обоих полов часто шились из 2-3 разноцветных полос или украшались 3 ярусами черных точек и завязывались на правом боку.

Мужские штаны высшей знати были «двойными», то есть кроились с «воздушным мешком» вдоль тыльной стороны; они могли иметь ромбовидные наколенники. Пояса в ранний пе-

¹ Зиапур, Дж. Пуришак-э бустани-йе...; Peek E.H. The Representation of Costumes...; Peek E.H. Beits in the Parthian and Sasanian periods // Encyclopaedia Iranica. - Vol. IV. - New York, 1990; Goldman B. The Later Pre-Islamic Riding Costume // Iranica Antiquae. - Vol. XXVIII. - Gent. 1993.

² Ср.: Майтдинова Г.М. Костюм раннесредневекового Тохаристана... С. 128

риод у обоих полов подчас скреплялись двумя дисковидными застежками, концы которых соединялись лентой с бантом. В позднее время распространились наборные пояса с 4-6 подвесками на каждом боку; аристократы носили также пояс из кожи с длинным свисающим с живота до края подола концом. Золотые пояса украшались ставками лазурита или изумруда. Женские пояса крепились низко, девичьи – высоко. С IV в. появляются полусапожки, повязанные у подъема стопы бантом. Среди причесок, известных у обоих полов, оригинальны множество длинных завитых локонов с шариками на концах у жрецов и дам. У девушек и женщин часто встречаются также тонкие локоны у висков (иногда завитые) и узел на темени.

Большую роль играли декор из серии парных лент, крепившихся на различных предметах, и многочисленные (преимущественно горизонтальные) складки свободных одежд. Основными цветами одежды были красный, разные оттенки синего и белый, гораздо реже использовались желтый и зеленый. Мужской силуэт в ранний период был близок к прямоугольнику; позже при «вздуте» подола характерно расширение от бедер до колен. Монументальность образа аристократа создавалась не столько мощью мышц, сколько силуэтом одежды. Женский силуэт расширялся от головы до талии, и от талии – вниз; в образе женщины акцентировались богато декорированная прическа, подчеркнутые кроєм широкие бедра и развитая грудь. Костюмные новшества характерны, прежде всего, для периода воцарения первого Сасанида – Арташира I (224–241 гг.), и, как уже отмечалось, для начала правления Пероза; отдельные костюмные инициативы отмечаются у таких шаханшахов как Нарсе (293–302 гг.) и Шапур II (309–379 гг.).

В параграфе 2 дается характеристика одежды согдийцев этого времени, в истории которой можно выделить два периода: эфталитский (V – сер. VI вв.) и тюркский (сер. VI – нач. VIII вв.) и детализированная характеристика которой отсутствует¹. Ей присущи следующие особенности. Распахнутые одежды носились реже нераспахнутых (лишь у женских персонажей на терракотах надеты в качестве верхних только они). На распахнутых кафтанах известны в ряде случаев округленные концы бортов; чаще всего они носились застегнутыми. У взрослых мужчин кафтаны обычно имели на тюркский манер два лапкана, у юношей – иногда один (почти всегда – правый). Женские длинные халаты носились внакидку. Нераспахнутая одежда мужчин обычно была длиной до колен, иногда имела треугольный вырез спереди. «Сасанидский» подол с боковыми разрезами и единой широкой каймой декора в Согде не являлся точной копией иранских образцов (он не «вздутый» и не «провисший»). Изредка у воинов и девушек встречен невысокий стоячий ворот. Очень характерна в позднее время высокая «сасанидская» манжета. У знати известны одежды с короткими рукавами (с косо обрезанным овальным краем, украшенным рядом круглых бляшек). Женские платья имели ворот различных типов (в том числе – удлинённый овальный и невысокий стоячий). Бытовали также оригинальные платья на бретельках с широким воротом; у танцовщиц подчас они были короткими в сочетании с шароварами, у музыкантов они могли шиться на кокетке и иметь расширяющийся подол; поверх платья иногда носилась короткая парадная рубаха. Под парадными халатами носили платья с широкими рукавами. Оба пола использовали прямоугольные плащи-накидки, державшиеся ниже плеч специальными золотыми утяжелителями в виде шариков; у женщин известны шарфы.

Молодые мужчины носили войлочный (?) высокий конусовидный колпак с околышем, имевшим разрез спереди, иногда скрепленный внизу обручем. У обоих полов бытовали шляпы и полусферические облегающие шапочки и изредка – просто повязанная чалма. Мужские диадемы украшались одной круглой бляшкой надо лбом, женские – тремя медальонами.

Известны облегающие мужские «шорты». Штаны у мужчин и женщин имели верх и штанины и тканей разного цвета; у последних шов штанин у нижнего края не сшивался. Для на-

¹ См., прежде всего, статьи: Лобачева Н.П. Среднеазиатский костюм..., Бентович И.Б. Одежда раннесредневекового населения Средней Азии (по данным росписей VI–VIII вв.) // Страны и народы Востока. – Вып. 22. – М., 1980; Майтдинова Г.М. Отражение в женских костюмах Тохаристана и Согда культурных взаимосвязей раннего средневековья // История материальной культуры Узбекистана. – Вып. 21. – Ташкент, 1987; Naymark A. Clothing of the Sogdians // Encyclopaedia Iranica. – Vol. V. Fast 7. – Costa Mesa, 1992.

борных поясов особенно характерен декор в виде ряда удлиненных прямоугольных бляшек с ободком. Из типов обуви специфичны мужские туфли с длинными заостренными носками, женские обувь и чулки, украшенные драгоценными камнями. Высокие сапоги часто имели вертикальную полосу декора (в том числе - из рядов завитков).

Мужская стрижка чаще всего была без пробора, лицо брили. У обоих полов известны тонкие длинные пряди, спускающиеся от висков и короткая прядь надо лбом. Мужчины (частично под тюркским влиянием) носили от 2 до 6 тонких кос; на макушке волосы подчас вставлялись в золотые трубочки (обычно - с отверстием, через которое пропусклась прядь волос). Для женщин в ранний период особенно характерны 2 косы; в позднее время преобладало ношение 4 кос. Волосы на голове замужних женщин часто закрывались черной тканью с золотыми украшениями в виде цветов.

В целом силуэт одетых мужчин и девушек был сигаровидным; у женщин-аристократок он осложнялся ношением внакидку халатов и коротких парадных плащей, расширением по сасанидскому образцу в нижней части подола. У обоих полов одежда была скорее облегающей, ценилась изящная фигура с довольно узкой талией и запястьями. Согдийские кавалеры выглядят наиболее утонченными в истории иранского мира.

Весьма характерна для согдийского комплекса близость по многим параметрам *элементов одежды мужчин и девушек*. Это распашные кафтаны (правда, застегнутые разными способами) и нераспашная одежда с невысоким стоячим воротом, с вертикальной полосой декора и «погонами»; крестовидные пелерины; штаны со сходными принципами декора; наборной пояс; чалма (у девы-богини Луны); высокие сапоги (у танцовщиц). Характерно также совпадение основных типов головных уборов обоих полов. Наиболее существенная разница между мужчинами и женщинами заключалась в формах причесок и в декоре плечевой одежды.

Излюбленным было окаймление одежд полосками узорчатых (двух-трехцветных) шелков и рядом жемчуга. Цветовая гамма плечевой одежды в целом обычно трехцветная (основной фон - белый, красный, розовый, желтый, черный или темно-зеленый, у женщин также изредка голубой), головные уборы и штаны - обычно разных оттенков красного и белые, обувь - белая, желтая, коричневая или черная.

В параграфе 3 анализируется костюм ираноязычного населения Тохаристана (прежней Бактрии) под властью эфталитов, эфталитов и тюрков. На нашем материале надежно выявляются серии особенностей эфталитского (сер. V-сер. VI вв.) и тюркского (сер. VI- I-я пол. VIII вв.) периодов. В первом случае на достоверных изображениях этнической высшей знати *эфталитов* (геммы, монеты и большинство серебряных чаш) одежда и типы причесок продолжают древние кушанские традиции. Для Тохаристана характерно преобладание у *обоих полов распашной* верхней одежды (при этом на достоверных изображениях эфталитской высшей знати господствует нераспашная одежда). Выделяется 4 вида оформления ворота верхней распашной одежды: с маленьким и с крупным правым лацканом (эфталитский период), с двумя лацканами или без лацканов (тюркский период). В разные периоды длина мужской распашной одежды чаще всего была чуть выше колен. В эфталитский период известны правые лацканы с 5-6 ~~блестящими или полосатыми поперечными~~ ~~блестящими или полосатыми поперечными~~ мужской плечевой одежды вообще гораздо разнообразнее. Во все периоды бытовали высокие обшлаги сасанидского происхождения. Специфична натальная распашная мужская одежда. У женщин (кроме Чаганиана тюркского времени) верхними были длинные халаты (иногда в эфталитский период - с распахивающимися рукавами и с бортами, отороченными мехом). Нераспашная одежда женщин всегда имела горизонтальный узкий ворот, у аристократок она украшалась драгоценными камнями и имела сзади небольшой шлейф. У простолюдинов рубаха подчас имела невысокий стоячий ворот, у *ЖЕНЩИН* и детей - вертикальную нагрудную полосу (иногда сужающуюся в нижней • всты), расшитую бусами, мужчин - с левосторонним разрезом. Мужской плащ в тюркское время мог повязываться на плече бантом (Чаганиан)

Оба пола носили облегающие маленькие черные или пестрые шапочки (у мужчин эфталитского времени иногда закрывавшие лишь макушку) и в тюркское время своеобразную «чалму». В «эфталитском» комплексе бытовали шапочка с двумя полусферическими выступами вверху у *обоих* поясов-головные уборы и панельные украшения с имитацией голубых/синих цветов лотоса; оба пола носили головные повязки

(подчас повязанные на левом боку), у женщин они иногда декорированы крупными бляшками-розетками. Штаны этого времени иногда имели у мужчин разрез сзади по нижнему краю, у девушек и детей – боковые разрезы по верхнему краю, в тюркский период документируются ламки под сводом стопы. Весь раннесредневековый период у мужчин господствовали ремненные пояса; в их декоре в эфталитский период прослеживается сасанидское влияние; в тюркский период, несмотря на политическое господство тюрков, влияние декора их наборных поясов на изображениях, происходящих из собственно Тохаристана, не выявлено. Обувь эфталитского времени всегда имела острые носки; оба периода у мужчин преобладали высокие сапоги. Мужчины как в эфталитское, так и в тюркское время чаще носили короткую стрижку без пробора и обычно гладко брились, оставляя короткие усы; затылок формировала голова. У эфталитских ханов и аристократов было модно носить короткое, **две короткие косы с крупными (иногда тремя) пучками**.

Мужской силуэт в эфталитский период не имел резких сужений и утолщений; у женщин он обычно близок к цилиндру, грудь и бедра не подчеркивались. Основной цветовой фон плечевой одежды в эфталитское время для распашной одежды обоих полов был белый, красный или ЖЕЛТЫЙ; в тюркское время он белый (реже кремовый) у мужчин и красный, розовый или желтый у женщин. Обувь в предыдущий период носили **цветная**, во второй – черная.

Параграф 4 посвящен поздней одежде хорезмийцев. Для нее характерны мужские халаты и женская верхняя нераспашная одежда. У мужчин бытовали и безрукавные кафтаны, застегивавшиеся наглухо. Из-за довольно суровых зим носились сразу три вида распашной одежды (короткая куртка, кафтан, меховая шуба); простолюдины использовали трехслойные халаты на войлочной подкладке. Нераспашная одежда характеризуется разнообразием форм, употреблением обоими полами одеяний с глубоким треугольным вырезом. Женские платья подчас имели неглубокое декольте и выделенный черным лиф, чаще были безрукавными и носились без пояса. В целом в плечевой одежде особое внимание уделялось декору груди (лацканы, треугольный вырез); для нее характерна бело-красная цветовая гамма (с включением черного). Мужчины и женщины носили, среди прочего, невысокие войлочные колпаки. Сапоги знатных мужчин иногда шились с длинными острыми носками. Мужчины часто ровно подстригали волосы на уровне лба, брили лицо и почти не носили усов; женщины носили одну или много маленьких кос.

Мужской силуэт резко сужался у талии и ниже сильно расширялся подолом с клиньями; женский чаще всего – с сужением у талии и ниже равномерным расширением до шиколоток. Основное внимание у обоих полов уделялось декору груди (лацканов у мужчин, лифа или разреза ворота у женщин); у последних часто оголены плечи.

В параграфе 5 анализируется костюм поздних хотанцев. Для него характерно ношение распашной одежды не только женщинами, но и мужчинами (влияние кочевых соседей?); одежда часто кроилась сильно приталенной (у женщин – «осиная талия», связанная и с ношением корсета). У женщин распространен комплект из короткого кафтана или халата и платья до пят; платье на высокой кокетке имело подол со множеством узких вертикальных полос трех цветов. Мужские нижние рубахи шились с широким горизонтальным воротом. Среди мужских головных уборов (экспортом которых славилось княжество) специфичны шляпы (в том числе меховые) и конические уборы с 1 или 3 треугольными выступами на околыше. Мужчины, в отличие от женщин, ходили опоясанными; у знатных мужчин пояса имели по 9 круглых медальонов; последние носили короткую стрижку без пробора и гладко брились.

У обоих полов силуэт при широких плечах резко сужался у талии, и ниже у женщин плавно расширялся, а у мужчин плавно сужался ниже бедер. Цветовая гамма женской одежды («сцена в лодке» в Афрасиабе) представляла собой сочетание красного, синего / голубого и желтого; мужская – более темных оттенков (бледно-зеленый, коричневый, темно-красный). Особый акцент у женщин делался на декоре пришивного подола и нижней части рукавов.

В заключительном параграфе выявляются общие тенденции и элементы в костюме этносов сасанидского времени и раннего средневековья. Общие черты в одежде различных частей

могут объясняться а одних случаях влиянием империи Сасанидов (ниже отмечены аббревиатурой Са), в других - последствиями воздействия могущественных кочевых ираноязычных племен - хийонитов и эфталитов (отмечены аббревиатурой Эф) и кочевых тюрков (единого и позже - Западного каганата) (отмечены аббревиатурой Тю) (все эти кочевники сами в ряде случаев восприняли более древние традиции народов Синьцзяна, в том числе - хотано-саков).

Для большинства ираноязычных этносов данного периода характерно: преобладание нераспашной одежды в качестве верхней (за исключением самых восточных районов - Тохаристана и Хотана, где противоположная тенденция, видимо, связана с ростом влияния кочевников); преобладание ношения застегнутой распашной одежды при неглубоком запахе; наличие на одежде обоих полов в Восточном и Западном Туркестане ворота с одним лацканом (Эф) или двумя лацканами (Тю); распространение наплечных медальонов (Са); бытование рукавов с высокой манжетой (Са) и более редких коротких рукавов; ношение (зачастую внакидку) женских длинных халатов (вне Ирана часто - с расширяющимися рукавами); нераспашная одежда с треугольным вырезом ворота, реже - с невысоким стоячим воротом или с воротом, стягиваемым по краю у плеча лентой; важная роль в декоре нераспашной мужской одежды каймы вдоль боковых разрезов подола (Са); пошив парадных плащей обычно из полихромных тканей и крепление их на груди парными застёжками с лентами (Са); мужские, реже женские пелерины разных типов; женские платья с воланом или рядом оборок по краю подола (Са); женские легкие шарфы, оборачиваемые вокруг туловища; пошив штанов из полихромных тканей, уменьшение популярности «лампасов» у мужчин; мужские золотые пояса с серией медальонов со вставками драгоценных камней; мужские (много реже женские) пояса, скрепленные на животе парными застёжками с пропущенными в них лентами (Са); наборные пояса с рядом бляшек прямоугольной или круглой формы с ободком (при большой редкости достоверно *тюркской* системы размещения бляшек); зооморфные головные уборы мужчин-правителей; широкое распространение у обоих полов головных уборов в форме невысокого конуса или маленьких полусферических шапочек; мужские и женские шляпы с довольно широкими полями (войлочные и плетеные); ношение чалмы (кроме Ирана), чаще женщинами (Тю); высокие сапоги с треугольным выступом под коленом с богатой вышивкой (Иран) или черного цвета (на остальных территориях: Тю); преобладание короткой мужской стрижки без пробора, с гладко выбритым лицом; распространение в Западном Туркестане мужских кос (Тю); женская прическа с двумя косами разной длины и серией массивных пронизок и подвесок - накосников.

Для одежды знати второй половины данного периода характерно использование полихромных шелков, произведенных уже во многих случаях в различных местных центрах Ирана, Согда, Тохаристана и Хотана. При этом роль декора из рядов золотых и иных бляшек-аппликаций уменьшается.

Глава 4 «Механизмы костюмных контактов в характер эволюции костюма древних иранцев. Символика коатомы» состоит из трех параграфов.

В параграфе 1 на примере иранского мира и частично- сопредельных и связанных с ним территорий рассматриваются 12 основных форм костюмных контактов.

Среди неиранских «кочевых империй», повлиявших на ираноязычные этносы, особую роль сыграл единый Тюркский каганат, а позже Западный и Восточный. *Ранние тюрки* распространили на ряд элементов одежды других этносов (сапоги с треугольным выступом под коленом, окрашенные в черный цвет, кафтаны с двумя лацканами; китайская традиция запахиивания направо). Заметные перемены в одежде народов Западного Туркестана можно связать с реформами западного кагана Тон-ябгу (618-630 гг.), включившими местную знать в административную систему Каганата. Наибольшей тюркизации подвергся костюм Согда (у обоих полов - ношение особой чалмы и халатов с двумя лацканами, мужских причесок с 2, 4 и 6 косами; включение в поясные наборы, наряду с крупными бляшками, групп из 2 или 4 мелких круглых). Как в Тохаристане, так и в Хорезме влияние ограничивается халатами с двумя лацканами и черными сапогами с треугольным выступом по верхнему краю.

Дары кочевых правителей впервые представлены у делегатов от вассальных саков-тиграхауда на ападане Персеполя. Они, кроме золотых аксессуаров, включали халат kandys, кафтан и местные высокие сапоги. В других случаях (кангюйцы, ранние тюрки и зависимые от них правители) такие дары обычно представляли собой парадные наборные пояса. Известное влияние на «варваров» оказывали дары великих империй, среди которых преобладала мужская плечевая распахнутая одежда. Так, ахеменидские цари вручали каждому послу «дарственную мидийскую одежду» (kandys?), золотые браслеты и драгоценную нагрудную цепь (Aelian. Var. hist. 1.22). Китайские императоры, начиная с 174 г. до н.э., дарили кочевым правителям шелковые халаты, кафтаны и украшения для волос; посольство багдадского халифа дарило огузам кафтаны и женские покрывала.

Влияние костюма малых «торговых» народов подчас проявлялось и на значительных расстояниях. Так, от *греческих колонистов* сармато-аланские племена не только получали серии престижных костюмных аксессуаров, но и в заимствовали с I в.н.э. женское платье на бретельках типа хитона и само слово chiton. Костюмное влияние *содгийцев* на трассах «Шелкового пути» наиболее ярко документируется пока у северокавказских аланов VIII-IX вв. (шубы, где полихромной каймой имитировался правый лацкан; меховые халаты с округленными концами бортов).

Значительное внимание уделено распространению элементов одежды Ирана различных династий. Удаётся уточнить (при сопоставлении письменных и изобразительных источников) состав 10 *мидийских* элементов в парадном костюме Ахеменидов, которые, на взгляд диссертанта, ясно перечислены античными авторами. Это халат kandys, головная tyara и особые шаровары (Plut. Alex. XLV); kandys, пурпурные "хитоны"-sarapis, башмаки на высокой подошве, мужские причёски с накладными волосами, золотые браслеты и цепь; косметика обоих полов (Xen. Кутр. I. 3.2; VIII. 1.40); женская «stola», т.е. длинное платье (Strabo. Geogr. XL 13.9). К ним же можно отнести полушляпидные шапки придворных. Вполне достоверными следует признать сведения Ксенофонта о «*костюмной реформе*» *церемониймейстера Феравла* *осени 539 г. до н.э.*, определившей облик придворного костюма первой в истории человечества «мировой империи». «*Эламо-анианские*» элементы достоверно включают для обоих полов пелерину-karuris и юбку с рядом специфических вертикальных складок, идущих посередине вдоль ног.

Уточняется воздействие персидской одежды на различные народы. На подвластные и соседние с Империей ираноязычные народы костюм *Ахеменидов* повлиял в целом весьма слабо. Сразу у нескольких народов представлены близкие аналоги таким персидским элементам как широкий плащ типа kas, широкая вертикальная декоративная полоса на нераспахнутой одежде, украшение подола полосой зигзага (хорезмийцы, ранние и «классические» скифы, арреи). Наиболее подробно документированы сегодня аналоги в одежде «*классических*» *скифов* V-IV вв. до н.э. (у мужчин - шивший элемент края спинки в виде треугольника, одежда с треугольным разрезом ворота, орнаментальные «погоны», штаны с треугольным выступом по нижнему краю, высокие цилиндрические головные уборы, причёски с искусственной завивкой волос; у женщин - платья с резко расширяющимися рукавами, цилиндрические уборы с длинным покрывалом; декор тканей в виде рядов кружков или сеточки). Воздействие ахеменидского комплекса на греков и македонян тормозилось как резким несоответствием в облике одежды и ее использовании (kandys и особенно штаны считали своего рода символами варварства), так и опасениями пагубного влияния персидской роскоши. Влияние персидского комплекса связано с богатой добычей при Марафоне и при Платеях (Aelian. Var. Hist. IV.22; Her. Hist. K.80-81) с восхищением им греческими изгнанниками и наемниками (Her. Hist. GX. 41; Xen. Кутр. VIII.2.9), а также с македонскими завоеваниями после захвата весной 330 г. до н.э. в персидской казне парадных одежд на сумму в 1000 талантов и по прибытии Александра в Гиркашпо (Plut. Alex. XXIV; Arrian. Alex. IV.7.4; Diodor. XVII.77.5; Curt. VI.6.4).

Сопоставление позднего костюмного комплекса *империи Аршакидов* - Парфии и синхронного костюма *Пальмиры* приводит к выводу о минимальном количестве заимствований (у

мужчин - местных купцов: распахнутые кафтаны, шаровары, ноговицы и при этом - без парфянской системы декора). Сопоставление его с костюмом Кушанской империи показывает, что известное парфянское влияние наблюдалось лишь с пятого правителя - Хувишки (126/146 - 164/184 гг.) (на монетах Хувишки и Васишки: распахнутая рубаша, завязанная на груди рядом парных лент, рубаха с вертикальной полосой сетчатого орнамента на груди с рядом круглых бляшек по краям; нераспахнутая одежда с крупными треугольными выступами с боков), причем возможны заимствования и в противоположном направлении (золотые пояса с 9 медальонами?). Мужская одежда грузинских правителей (охотничьи сцены в Дидоплис Миндори) в значительной степени копировала парфянские образцы.

Иран при династии Сасанидов оказал определенное воздействие вначале на поздних Кушан (голова персонажа в Матхуре в типичным раннесасанидском уборе - «тиаре» с крупным фамильным знаком *nisan*; единичные одежды с оборками и воланами на подоле). С V по VII вв. это влияние очевидно в одежде знати Тохаристана, отчасти Согды и Хорезма (расширяющиеся подолы нераспахнутых одежд с боковыми разрезами, украшенными единой с краем подола полосой отделки и реже - подолы с полукруглым выступом спереди; широкая вертикальная полоса декора, единая с краем ворота; высокие общлага и изредка наплечные медальоны; пояс с парой дисковидных застежек и свисающими короткими лентами; сапоги с треугольным выступом под коленом; у женщин - платья с рядом оборок или воланом по краю подола). Влияние на костюм Византии в VI - нач. VII вв. было незначительным (распространение некоторых типов рукавных туник, кафтанов; декор накладных парадных воротников женских платьев; заимствование обычая вручения правителем поясов чиновникам).

Заимствование элементов одежды Кушанской империи было весьма скромным (что, вероятно, объяснялось нежеланием Кушан навязывать его покоренным народам и невключением его в состав дипломатических даров) и в наибольшей степени отмечено у хотано-саков Синьцзяна (пелерины в виде заостренного креста; подол одежды с 6 острыми выступами; ряд типов головных уборов и причесок; пояс с 9 медальонами). «Сарматизация» костюма греков Северного Причерноморья, видимо, означала, прежде всего, заимствование удобных в местных условиях предметов мужского костюма кочевников (кафтаны, штаны и плащи), но без сарматской системы декора. У женщин другого оседлого этноса - меотов уже в III в. до н.э. распространилась сарматская традиция обшивки краев одежд рядами бисера, а с рубежа н.э. местная специфика у них вообще не просматривается. Становится возможным выявить племенные различия соседних синхронных сармато-аланских племен в декоре одежды на большом материале двух соседних могильников II-III вв. н.э. в устье Дона (курганы Танаиса; катакомбные и подбойные погребения в Кобяково): в их синхронных комплексах ни один выявляемый элемент собственно одежды не совпадает.

Неоднократные упоминания о торговле с кочевыми народами Восточной Европы (сарматскими, хазарами, половцами) *готовой одеждой* (Страбон, ал-Истахри, ал-Асир) свидетельствуют, вероятно, о том, что она изготовлялась с учетом вкусов аристократии номадов; видимо, такие одеяния имели в кочевом обществе специфический статус (например, они не помещались в погребения и не представлены на культовых изображениях).

Систематизированный в предыдущих главах материал по одежде *помогает уточнить этногенез и район прародин* ряда крупнейших кочевых группировок Евразии позднеантичного времени. Так, «геродотовы» скифы V-IV вв. до н.э. имеют наибольшее число костюмных сходжений не с согдийцами и хорезмийцами, как предполагали ранее (Горелик, 1985), а с проживавшими далеко на востоке «саками» Южной Сибири, в том числе - пазырыкцами (традиция ношения *kandys* и женщинами; конические женские уборы с навершием в виде фигурки птицы; высокие кожаные чулки), а также с тохароязычными народами Синьцзяна (два клина на краях подола кафтана; женские распахнутые юбки; крой штанов из серии пестрых полосок). Их предшественники - «архаические» скифы VII-VI вв. до н.э. сходны костюмом прежде всего с кочевыми этносами Западного Туркестана. Алтайские пазырыкцы в этом плане наиболее близки

южным соседям в том же Синьцзяне (аналогии декору головных уборов, подобных найденному в кургане 12 Уландрыка II; юбки с горизонтальными полосами; редкие типы нашивных бляшек, сходство декора местных тканей и др.). В одежде *ранних сарматов* с рубежа II-I вв. до н.э. вполне явственен пласт аналогий с пришедшими из Западного Китая в Бактрию кочевыми юэжжами, а во II-III вв. н.э. у «*поздних сарматов*» обнаруживаются, главным образом, аналогии, связанные с Кушанской империей. Одежда самих *юэжжей-кушан* практически не находит аналогий на Алтае более раннего времени (тем самым не подтверждается популярное отождествление ранних юэжжей с пазырыкцами, идущее от С.И. Руденко).

Анализ «**костюмных**» следов **раннего проникновения иранцев** на территорию нынешнего Западного Ирана на рубеже II-I тысячелетий до н.э. показывает, что даже в Луристане (обильном антропоморфными изображениями) они весьма малочисленны (кафтаны и длинные халаты, иногда с короткими рукавами, без запаха или с неглубоким запахом; цилиндрический женский головной убор с покрывалом; пояс-кушак с длинными свисающими с живота концами), встречены всего на двух категориях бронзовых изделий (вставные булавки и навершия с Хозяином зверей) и могут быть связаны не столько с присутствием здесь собственно иранцев, сколько с определенным *влиянием* их одежды (в связи с ее бытовым удобством и необычным внешним видом).

В параграфе 2 анализируется *соотношение эволюции и преемственности* в костюмных комплексах тех народов, у которых одежда обильно документирована 2-3 изучаемых периода подряд (персы, хорезмийцы, тохаристанцы, согдийцы, хотанцы).

При изучении материалов Ирана становится очевидным *ничтожное* число элементов преемственности от Ахеменидов к Аршакидам, отмечаемое только у мужчин: нераспашная одежда типа *sarapis* с вертикальной полосой сетчатого орнамента или с дугообразным вырезом спереди на подоле; прическа с накладными буглями (с боков). Преемственность в костюме знати Младших Аршакидов и ранних Сасанидов была заметно большей, особенно в течение III в., что объясняется *непосредственной* сменой династий и насаждением имперского костюма, в том числе на родине будущих Сасанидов - в автономном Парсе.

Одежда *Парфянского государства* предстает как интернациональное имперское образование, оформившееся как явление достаточно быстро и насаждавшееся (в отличие от ахеменидского времени) среди знати подвластных территорий. Предложена новая, авторская реконструкция первоначального облика мужского костюма кочевников парное - создателей державы Аршакидов: для этого сопоставлен костюм ахеменидского Ирана, разных народов Западного Туркестана (родины парное) и тех кочевых этносов, которые одновременно с парными создавали свои государства на Среднем Востоке (юэжжи, индо-скифы). В комплекс парное входили: короткий распашной *kurtak* с запахом налево с богатым декором бортов и рукавного шва; узкий короткий плащ; штаны средней ширины, заправленные в обувь; наборной пояс с рядом квадратных бляшек; короткие прически без пробора и маленькая бородка; диадема, повязанная сзади с двумя длинными свисающими концами. Костюм ранних жителей области Парфия до завоевания ее парными практически не имеет общих черт с имперским комплексом Старших Аршакидов (у последних господствовали распашные кафтаны и кожаные наборные пояса, иной способ повязывания диадем, вместо высоких сапог носились ноговицы). На ранних изображениях на реверсе парфянских монет знаменитый «парфянский лучник» - обожествленный основатель династии также представлен не в исконном костюме парное¹, а в старой одежде классического ахеменидского сатрапа.

В целом сопоставление материала по трем великим доисламским династиям Ирана в течение 1200 лет демонстрирует *весьма динамичную эволюцию одежды* в этом «традиционном обществе», причем у женщин ее формы претерпели более значительные перемены. При всех династиях сохранялись лишь единичные элементы (преобладание в качестве верхней *нерас-*

¹ Ср.: Пилипко В.Н. О костюме парфян... - С. 295.

паиной одежды, зачастую с разнотипным «фигурным», т.е. не горизонтальным подолом и с вертикальной полосой декора; редкое использование стеганых одежд; длинные широкие парадные плащи, завязываемые на груди; золотые пояса и кушаки, повязанные «узелом Геракла»; головные уборы, повязанные по нижнему краю лентами со свисающими сзади концами; прически с завивкой и париками; пестрые ткани с простыми геометрическими узорами - сетчатыми и различными комбинациями из кружков). Несмотря на большие лакуны в известных сегодня источниках, можно утверждать, что наиболее характерными «личные костюмные инициативы» отдельных правителей были именно в *парфянское время*. Последнее можно объяснить, во-первых, сложной структурой империи Аршакидов (бывшей во многом федерацией автономных этнических княжеств и греческих городов), делавшей оформление интернационального придворного костюма одним из факторов укрепления единства страны и, во-вторых, влиянием соседних эллинистических монархий и позже Рима. При этом во всех случаях, видимо, большую роль играли перемены в costume, утвержденные первым правителем конкретной династии; впрочем, немало новшеств подчас документируется и для не слишком прославленных и слабых правителей.

Хотя «глубокая преемственность» в costume Западного Туркестана от ахеменидского или кушанского времени до этнографической современности постоянно подчеркивается исследователями, реальный перечень подобных элементов крайне невелик¹, а корректное сравнение наших костюмных материалов с этнографическими серьезно осложнено разным социальным статусом носителей (в первом случае высшая знать и божества, во втором крестьяне наиболее глухих районов); кроме того, информация по многим районам древнего Западного Туркестана крайне неравномерна для разных периодов и для некоторых из них представлены не *серии*, а лишь единичные находки. Все основные периоды (ахеменидский, кушанский, раннее средневековье) документированы без лакун только для *хорезмийцев*. Для этого этноса общие черты в costume *всех трех* периодов практически отсутствуют (исключение: бытование женских плащей), демонстрируя высокие темпы и масштабы постоянной смены форм одежды; известная преемственность наблюдается между первыми двумя периодами (сходство основных типов мужских головных уборов, ряда параметров женских платьев, у мужчин ношение широких штанов и завивка краев короткой прически). У *содгийцев* количество общих элементов для кушанского и раннесредневекового времени также ничтожно (диадемы с тремя медальонами или имитацией вогнутых перьев; редкие кафтаны с закругленным нижним краем бортов; у женщин шарфы и длинные, носившиеся внакидку халаты, сочетание короткого платья с шароварами).

Напротив, для *Тохаристана* характерно сохранение довольно большого числа кушанских элементов (в эфталитское время еще бытовали древний *kandys* и халат, застегивавшийся на груди двумя лентами; стягивание ворота рубахи лентой, концы которой свисали справа; «лампасы» на штанах; крестовидные пелерины; пояс с застежками-дисками и копьевидной подвеской; женские диадемы с тремя бляшками-розетками или с полумесяцем в лобной части; схема размещения «мушек» на лице) и примерно равные темпы эволюции для обоих полов. В Восточном Туркестане у *хотанцев* преемственность от римского времени до раннего средневековья также была весьма значительной (в обоих периодах у женщин преобладала распахнутая верхняя одежда, халаты имели сильно расширяющиеся рукава и полосу отделки их пройм; у обоих полов она подчас имела два лацкана и часто застегивалась до верхней части груди; сохранились большинство типов головных уборов и характер мужской прически).

Весьма важно выявление в течение всех 5 периодов трех «археологических» культур Сарматии целого ряда общих черт в одежде, несмотря на постоянные миграции новых племен с востока и политическую нестабильность в Степях. Этот перечень наглядно иллюстрирует оп-

¹ Ср.: Лобачева Н.П. Среднеазиатский костюм... - С. 46; Лобачева Н.П. О некоторых чертах... - С. 6-7; Майтдинова Г.М. Костюм раннесредневекового Тохаристана... - С. 141-142.

ределенную этнокультурную преемственность в регионе (вероятное преобладание у обоих полов нераспашной одежды; мужская рубаша до колен с глубоким треугольным вырезом ворота; преобладание женского платья до середины голени с разрезом ворота, часто скрепленным фибулами, иногда - с горизонтальной полосой декора на груди и у аристократок подчас - с рукавами «нестандартной» длины; камуфлирование конструктивных швов нашитыми на ремешок золотыми трубочками-пронизками; длинные узкие плащи, сколотые на плече; полукруглые женские нагрудники, головные покрывала и прическа с 1-2 длинными косами; наличие у обоих полов невысоких конусовидных головных уборов, башлыков с низким коническим верхом и небольшим назатыльником и полусферических уборов с навершием в виде 1 или 3 шариков; традиция обшивки бисером краев женского платья и шароваров).

Параграф 3 посвящен наименее изученным знаковым функциям костюма иранского мира. Впервые удается представить достаточно широкую панораму *возрастных отличий* (в первую очередь для мальчиков и мужчин) в иранском мире разных периодов. Судя по этнографическим данным по ираноязычным народам (которым не противоречат данные археологии), важнейший праздник перехода мальчиков в мужчины происходил в *15-16 лет* и сопровождался вручением таких основных атрибутов взрослого мужчины, как шапка и пояс, а праздник перехода девочек в категорию невест - *от 12 до 14 лет* и подразумевал вручение девичьих шапочки и рубахи (равнинные таджики), головных покрывал и диадем (сармато-аланы). Важнейший при достижении совершеннолетия обряд *опоясывания* юношей к раннему средневековью существовал уже далеко не у всех иранских народов (например, он явно отсутствовал у тохаристанцев и хотанцев, у которых дети изображались рядом с отцом в однотипных поясах), а в Фергане (Мунчактепа) пояс отмечен у годовалого младенца. Важными вехами в изменении гардероба ребенка были *3 года*, когда дети обоих полов получали первые полноценные штаны (горные таджики) или мальчишки - полный комплект одежды и новую стрижку (осетины), а девочки - платье, расшитое бисером (сармато-аланы), а также *10 или 12 лет у мальчиков*, когда у ряда восточноиранских народов им надевали первые штаны, а у осетин - полный комплект одежды вместо одной рубахи. У ряда древних иранских этносов никакой особой детской одежды, видимо, не было, и специфика костюма ограничивалась аксессуарами (скифы, индо-скифы). Наиболее явно особенности мальчикового костюма предстают пока в парфянском и отчасти сасанидском Иране (очень короткие рукава распашной одежды и наличие «погонов», а также короткая стрижка - подобно Пакору I на монетах).

Специфика *царского костюма* выражалась у мужчин, прежде всего, в оформлении поясов и головных уборов. Наиболее полно она документирована для Ахеменидов. Это особые пояса (Diodor. XVII. 77.5; ср. у скифов: Нет. IV. 9-10), как и у царицы (Xen. Anab. I. 4.9), и корона, а также наличие на плечевой одежде и головном уборе белой полосы на красном фоне (Curt. III. 3.17, 19). Особое значение на коронации имел как наряд основателя династии (Plut. Artax. III), так и новый комплект, в дальнейшем надеваемый лишь в самых ответственных ситуациях (Curt. III. 3.5). У Сасанидов, кроме этого, важную роль играл перстень (ал-Белазури, ат-Табари). У правителей юэчжи-кушан основным признаком царского ранга в костюме были, видимо, также особые типы головных уборов и золотые пояса с 9 медальонами. У сармато-аланов I-II вв. н.э. этому рангу соответствовали у мужчин обильно украшенные золотом пояса, золотые гривны с зооморфными сюжетами или вставкой геммы, у женщин - золотые диадемы и браслеты с мифологическими сюжетами.

Формулируются особенности костюма *высшего сословия - воинской знати*. Уже в ахеменидское время он имеет заметную *этническую* специфику и практически несводим к неким «общим» для иранского мира чертам. У персов при *Ахеменидах* его важнейшими признаками были использование одежд пурпурного цвета, смена их цветовой гаммы по двум основным сезонам года (Strabo. XV. 3.19), ношение мужчинами трех штанов одновременно; лица разных категорий отличались декором плащей (расшитые золотом, пурпурные и т.п.), украшением рукавов драгоценными камнями; для женщин характерно ношение покрывал из дорогих пестрых

тканей и укрывание всего тела от солнца. У *Сасанидов* мужчины выделялись жалованными царем конусовидными уборами и золотыми поясами. У *скифов* для знатных мужчин были характерны высокие конусовидные колпаки с золотым декором по краю, головные повязки с рядом золотых бляшек, золотые пекторали, кафтаны с меховой опушкой, с 2 или 6 клиновидными выступами подола и полусапожки с длинными острыми носками; для женщин характерны, прежде всего, особые головные уборы (конусовидные и «калафы» с покрывалом из красной ткани), туфли с золотыми аппликациями на носках; обоим полам были свойственны искусственная завивка волос, наплечная «сеточка» из золотых пронизок и подвесок, и золотые гривны в 1,5 оборота с зооморфными сюжетами. Для аристократии *пазырыкцев* были характерны шубы *kandys*, «фраки», женские головные уборы с плоским верхом (типы 3 и 5), меховые нагрудники и полусапожки с богатой вышивкой, и для обоих полов, вероятно, усвоенные грабителями массивные золотые аксессуары (гривны, браслеты и поясные пластины). У *сармато-аланов* I-П вв. мужчины из знати (*ardar*) отличалась поясом с золотыми/золочеными деталями, женщины - особым халатом, достаточно скромной диадемой, гривной с включением золотого декора, специальным ожерельем из амулетов; характерна окраска одежды в красный цвет. Спецификой аристократии раннесредневековых *согдийцев* обоих полов были короткие накидки с золотыми утяжелителями, чалмы, завивка волос, шитье целиком из узорчатых тканей, декор жемчугом и наплечные медальоны, в VI в. - нераспашная одежда с короткими скошенными рукавами; у женщин халаты с бортами из пестрых тканей, платья с воланом, кушаки с вышивкой жемчугом, туфли и чулки с золотой парчой или драгоценными камнями; у мужчин - золотые пояса с самоцветами, полусапожки с длинными острыми носами. Знати *тохаристанцев* эфталитского времени были свойственны золотые гривны и перстни, одежда с высокими обшлагами, головные повязки с имитацией цветов лотоса, завивка волос по краям, у женщин - халаты с меховой опушкой, платья с короткими шлейфами и иногда с расширяющимися рукавами.

Наиболее сложно охарактеризовать одежду *простолудинов* из-за особенностей наших источников (господство изображений знати; очень бедный *неорганический* декор одежды, сохраняющийся в погребениях, исчезновение в них тканой и иной основы одежд, исключая могильники *пазырыкцев*, а в Западном Туркестане - Мунчактепа и «Курган»). Особое значение приобретают рельефы Гандхары с фигурами индо-скифов, раннесредневековые изображения в Иране, Согде и Тохаристане, однако и здесь представлена не просто беднота, а лица, обслуживающие знать (служанки, танцоры, музыканты, акробаты, егеря на охоте и др.). В целом у них чаще всего одежда силуэтно более проста и функциональна, почти лишена декора и сшита из дешевых тканей. У мужчин отличается от знати длина подола; танцовщицы и музыканты часто представлены в одежде, во многом общей с мужской. В Гандхаре у такого рода мужских персонажей документированы старые кочевнические башлыки. В империи Сасанидов даже у прислуги видим кайму из дорогих тканей, а многие нашивные детали декора явно копируют аристократические образцы; более всего заметны отличия в прическе. У *согдийцев* танцоры подчас одеты в длинные стеганные халаты, в расширяющиеся внизу платья на кокетке, акробаты носят облегающие шорты и т.п.

Специфика одежды *женщин-воительниц* в ряде случаев прослеживается на примере европейских скифов и сармато-аланов. Их платье иногда имело глубокие разрезы, удобные для верховой езды, а у первых известен особый башлык с широким назатыльником и обручем (БОФ, Малая Лепетиха). Однако в большинстве случаев, судя по письменным источникам, девичий воинский костюм соответствовал обычному мужскому.

Комплексно анализируются обряды с костюмом в иранском и индоиранском мире. Среди особо важных *жертвоприношений* отметим застланье дорогими одеждами дороги к святыню (Plut. Artax. XXIII), помещение комплекта одежд на священное дерево (Aelian. Var. hist. II. 14) и в новую буддийскую ступу (Гандхара), посвящение отдельным божествам поясов (P. Mela. De Chor. II. 15) или вражеских одежд (кафиры), всей одежды якобы убитого божеством

человека или частей одежды самого адоранта (осетины), приношение духу умершего обуви, заполненной пеплом дорогих тканей (средневековые аланы).

Впервые исследуется для большой группы иранских народов разных эпох роль костюма в структуре погребального ритуала. Как правило, она выражалась у кочевых этносов в размещении его элементов *вне* тела умершего (в специальных кладовых на крючках или в особой нише, в головах или в ногах, реже у бедер; некоторых предметов - в сосуд или сумочку, в том числе - украшений отрубавшей правой руки у сармато-аланов), в помещении в могилу человека, умершего далеко от дома, одетого манекена, в видоизменении (деформации или в изыскании деталей, например правого сапожка) или в символизации (замещении уменьшенными моделями или деревянными копиями) его аксессуаров и иногда в особой цветовой гамме, связанной с символикой Нижнего мира (красная - сарматы, кафиры). Особенно важны в этом плане непрерывные алано-осетинская и кафирская языческие традиции. Как правило, хоронили в *новой* дорогой одежде (подчас шившейся специально к погребению), однако у ряда этносов предпочитали несколько поношенную, но любимую самим хозяином (Ariian. Alex. 29. 5-6; Тиллятепе); женщин, видимо, часто хоронили в подвенечном уборе. Как и в быту, здесь особую роль играли пояс и особенно головной убор (они могли заменять отсутствующего умершего; были призом на поминальных скачках; часто помещались по 2 экз.). Обувь и головной убор зачастую помещали рядом соответственно с головой или ступнями. Иногда изменялась прическа (бритье головы и др.). Важные в быту элементы одежды (набедренные повязки, плащи или даже штаны) в могилу часто не помещали, т.к. они либо не входили в предписанный обычаем комплект, либо их отсутствие препятствовало «бегству» покойника. Выясняется, что господство белого цвета в качестве траурного не всегда было абсолютным (так, на хорезмийских оссуриях I-II вв. из Ток-калы основной фон одежды скорбящих, кроме плакальщиц - красный). Особо отмечаются обряды, совершаемые над парадным костюмом грабителями могил (в частности, наиболее «опасные» атрибуты - дорогой пояс, амулетное ожерелье и др. они предпочитали оставлять на месте).

На примере многофигурной композиции с изображением предполагаемого свадебного поезда чаганианцев в «Зале послов» Самарканда / Афрасиаба удастся продемонстрировать, в том числе на облике одежды, соответствие этой сцены важным деталям известного раннего тюркского (огузского) *свадебного ритуала* (подарки членам семьи жениха, белый цвет одежды последнего и др.), что подтверждает значительную тюркизацию брачных обычаев тохаристанской знати в VII в. н.э., упоминаемую в китайских хрониках.

В Заключении отмечаются основные итоги работы.

Материал ираноязычных народов древности можно считать эталонным для изучения костюма доиндустриальных обществ, благодаря обширности занимаемой ими территории, большому числу этнических групп, значительному политическому и культурному влиянию, большому разнообразию форм одежды, сложности и роскоши ее декора, обилию сохранившихся изображений и письменных источников.

Применительно к доисламской эпохе истории иранского мира в целом оказалось оправданным рассмотрение материалов по этно-лингвистическому принципу, а не по региональному, изучение в первую очередь этносов, дающих большие костюмные серии, и сопоставление их материалов в рамках крупных исторических периодов. Такой подход позволил более полно выявить воздействие Иранской державы на родственные народы, следы недавних миграций кочевых этносов, связи в данном аспекте с другими культурными общностями и уточнить характер эволюции и преемственности в одежде отдельных ираноязычных народов. В условиях дефицита данных о крое силуэт и система декора одежды являются надежными и репрезентативными источниками, позволяющими решить указанные задачи.

Изображения представителей ираноязычных народов в таких развитых инокультурных изобразительных традициях, как раннеклассическая греческая, китайская периоды династий Хань и Тан, позднесогдийская, демонстрируют гораздо более высокую этнографическую точ-

ность передачи костюма, чем принято думать. Элементы стилизации в целом весьма незначительны. Иноэтничные письменные источники, за исключением редко встречающейся путаницы, также являются весьма достоверным и информативным источником по костюму. В частности, изучение наиболее обильно документированных античными авторами сведений по костюму Ахеменидской державы позволяет предложить новое аргументированное решение проблем соотношения мидийских и персидских элементов в придворной одежде первой «мировой империи».

Для костюма отдельных народов характерны не только яркая этническая специфика, но и весьма динамичное развитие в течение коротких периодов (на территории собственно Ирана в наибольшей степени *женской* одежды), что не соответствует распространенным утверждениям о «консерватизме» костюма традиционных обществ ряда изучаемых регионов. Наиболее яркие серии инноваций в одежде и причёске наблюдались в иранском мире доисламского периода, главным образом, в период смены этнического доминирования или прихода новой династии. В Иране «личные костюмные инициативы» правителей наиболее характерны для эпохи Аршакидов; удастся реконструировать ряд подобных новшеств, внесенных конкретными царями ахеменидского, парфянского и сасанидского Ирана, Кушанской империи.

Рассмотрение костюма скифо-ахеменидского времени помогает ретроспективно реконструировать костюм прото-иранцев и уточнить обстоятельства первоначального проникновения иранских племен на территорию современного Западного Ирана. Анализ одежды как одного из важнейших этнических показателей помогает уточнить районы прародин целого ряда народов: ранних скифов (Западный Туркестан), «классических» скифов (Южная Сибирь и Сын-шян), пазырыкцев Алтая (Синьюан), юэчжей (подтверждая сведения китайских источников), племен ранне- и позднесарматской культур (соответственно - юэджи и кушаны Бактрии).

В процессе костюмных контактов народов иранского мира между собой и с иноязычными соседями особую роль играли различные династии собственно Ирана, миграции ираноязычных кочевых этносов, греческие колонисты, эллинистические монархии и контакты в пределах «Шелкового пути». Влияние таких неиранских держав как Хунну, Римская империя, Китай, Тюркский каганат сказывались, прежде всего, в распространении аксессуаров, реже - причёсок, и лишь в исключительных случаях элементов собственно одежды.

Обобщение материалов по древним ираноязычным этносам в сопоставлении с наиболее архаичными традициями их этнографически исследованных потомков позволяет уточнить представления о значимых функциях костюма (возрастная и сословная символика, использование в процессе жертвоприношений и в погребальном ритуале). Для всех 13 изучаемых этносов и соответствующих периодов их развития выявлены основные принципы декорирования одежды и отраженный в костюме эстетический идеал этноса; выяснились их заметные различия для каждого из периодов.

В целом выводы, основанные на реконструкции «этнических» комплексов одежды иранских народов трех изучаемых периодов и их компаративном анализе с привлечением этнографических данных, существенно уточняют панораму истории мирового костюма эпохи древности и раннего средневековья, выявляют ряд важных закономерностей контактов и эволюции в этой сфере культуры. Это позволяет уже сегодня решить целый ряд вопросов этно- и культурогенеза, культурных контактов, политической истории и развития искусства различных частей Центральной Азии, Ближнего Востока и степей Восточной Европы соответствующих периодов.

Список основных научных работ по теме диссертации

Книги и главы в коллективных монографиях:

1. Раздел «Костюм» // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье (Том IV). Архитектура. Искусство. Костюм. (Ред. Б.А. Литвинский). М: Вост. литература, 2000. С. 296-384 (5 ал.).

2. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Вост. литература, 2001. 190с. (13 а.л.)

3. Искусство и культура древних иранцев: Великая Степь, Иранское плато, Средняя и Центральная Азия. Учебное пособие. М.: РГГУ, 2002. 441 с. (21 а. л.) (соавт. Б.Я. Ставиский).

Статьи.

4. О древних прототипах мужской плечевой одежды осетин // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе, 1985. С. 25-36 (0,8 а.л.).

5. Диадемы степных кочевников Восточной Европы в сарматскую эпоху // Краткие сообщения института археологии АН СССР. Вып. 186. М, 1986. С. 14-20(0,5 а.л.).

6. К реконструкции женской плечевой одежды Сарматии // Советская археология. 1987. № 3. С. 166-176 (0,8 а.л.).

7. Костюм и покровы кочевой аристократии из некрополя Тилля-тепе (Афганистан) // Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока. Ч. 1. М., 1989. С. 259-293 (2,3 а.л.).

8. Сарматские и скифские элементы в антропоморфных изображениях Прикубанья кон. IV - 1 пол. III вв. до н.э. // Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Новочеркасск, 1989. С. 120-126 (0,6 а.л.).

9. Элементы культуры хунну на территории Сарматии // VI Международный конгресс монголоведов. Доклады российской делегации. Вып. I. М., 1992. С. 247-252 (0,3 а.л.).

10. Антропоморфные изображения Сарматии // Аланы и Кавказ. Alanica-II. Владикавказ, Цхинвал, 1992. С. 189-214 (1,5 а.л.).

11. О преемственности мифологических образов ранних и средневековых аланов // Проблемы этнографии осетин. Вып. 2. Владикавказ, 1992. С. 64-80 (1,3 а.л.).

12. Clothing of Iranian Tribes on the Pontic Steppes and in the Caucasus // Encyclopaedia Iranica. Vol. V. Fasc. 7. Costa Mesa (Ca), 1992. P. 758-760 (0,3 а.л.).

13. Центральноазиатские и среднеазиатские традиции в искусстве Сарматии // Античная цивилизация и варварский мир. Часть II. Новочеркасск, 1993. С. 75-83 (0,5 а.л.).

14. Отзывы о докладах А.В. Симоненко, Н.Ф. Шевченко и А.В. Эдакова // Кочевники евразийских степей и античный мир (Материалы дискуссии II археологического семинара). Новочеркасск, 1993. С. 15-16, 25-26, 27-28 (0,4 а.л.).

15. О времени первого появления аланов в Юго-Восточной Европе // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1993. С. 111-125 (1,3 а.л.) (соавт. Б.А. Раев).

16. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I-II вв.н.э. // Петербургский археологический вестник. Вып. 3. СПб., 1993. С. 60-72 (1,5 а.л.).

17. Основные волны появления новых элементов костюма в Сарматии и политические события I в. до н.э. - III в.н.э. Происхождение стиля «клуазонне» // Петербургский археологический вестник. Вып. 4. СПб., 1993. С. 97-105 (0,9 а.л.).

18. Костюм вельможного варвара на медальоне з Верхівні // Археологія. 1993. № 1. С. 79-81 (0,3 а.л.).

19. Скифский мужской костюм на предметах греко-скифской торевтики IV в. до н.э. (к вопросу об этнографизме изображений) // Вестник Шелкового пути. Археологические источники. Вып. I. М., 1993. С. 304-338 (2,0 а.л.).

20. К истории формирования одного из ключевых стереотипов сарматологии // Элитные курганы Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994. С. 200-204 (0,4 а.л.).

21. О сармато-аланском сюжете росписи в пантикапейском «склепе Анфестерия» // Вестник древней истории. 1995. № 3. С. 188-194 (1,0 а.л.).

22. Загадочные монстры пазырыкцев и китайская мифология эпохи Чжоу // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 154-158 (0,5 а.л.).

23. Сарматские погребальные ритуалы и осетинская этнография // Российская археология. 1998. № 3. С. 67-74 (1,0 а.л.).
24. About the Centres of Manufacture of Certain Series of Horse-Harness Roundles in «Gold-Turquoise Animal Style» of the I-st - 2-nd Centuries AD // Silk Road Art and Archaeology. Vol. 5. Kamakura, 1998. P. 51-106 (3,0 а.л.) (соавт. М.Треистер).
25. Археология // Культурология. XX век. Энциклопедия. Том первый. СПб., 1998. С. 35-37 (0,5 а.л.).
26. О некоторых антропоморфных сюжетах номадов Европы V-IV вв. до н.э. // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова). Запорожье, 1999. С. 282-285 (0,4 а.л.).
27. Костюм племен пазырыкской культуры Горного Алтая как исторический источник // Вестник древней истории. 1999. № 3. С. 145-170 (3,0 а.л.).
28. Эпический сюжет ираноязычных народов в древностях Степной Евразии // Вестник древней истории. 2000. № 4. С. 186-204 (3,0 а.л.).
29. Костюм Скифии в «архаическое» (7-6 вв. до н.э.) и «классическое» время: к вопросу об этнических изменениях // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы 7-го археологического семинара. Краснодар, 8-11 июня 1999 г.). Краснодар, 2000. с. 24-31 (0,4 а.л.).
30. О мнимых «бактрийских» ювелирных изделиях в Сарматии I-II вв. н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. Волгоград, 2000. С. 172-185 (1,2 а.л.).
31. Антропоморфные образы в искусстве ираноязычных народов Сарматии II-I вв. до н.э. // Stratum plus. 2000. № 4. СПб., Кишинев. С. 251-272 (2,0 а.л.).
32. О полихромном стиле позднеримского времени на территории Сарматии // Stratum plus. 2000, № 4. СПб., Кишинев. С. 226-250 (2,2 а.л.) (соавт. В.Ю.Малашев).
33. The Costume of the Yuech-Chich / Kushans and Its Analogies to the East and to the West // Silk Road Art and Archaeology. Vol. 7. Kamakura, 2001. P. 73-120 (3,5 а.л.).
34. Статус женщины в сарматском обществе: проблемы интерпретации источников // Выбор метода: изучения культуры в России 1990-х годов. М., 2001. С. 244-252 (0,8 а.л.).
35. О некоторых вопросах изучения «археологического» костюма Механизмы костюмных связей народов Великой степи // Культуры степей Евразии второй пол. I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Ч. 1. Самара, 2001. С. 4-21 (1,1 а.л.).
36. Культурные контакты финно-угорских и иранских народов древности (Сапоговский клад как историко-культурный памятник) // Этно-национальные доминанты в культуре и искусстве народов Урало-Поволжья. Ижевск, 2001. С. 99-114 (0,8 а.л.).
37. Комплекс с аланскими знаменами из могильника Дачи у Азова (рубеж I-II вв. н.э.) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1999-2000 гг. Вып. 17. Азов, 2001. С. 363-373 (0,7 а.л.).
38. Wu-suns // The Turks. Vol. 1. Early Ages. Ankara, 2002. P. 763-773 (0,7 а.л.).
39. The Costume of Foreign Embassies and Inhabitants of Samarkand on the Wall Painting of the 7th c in the Hall of Ambassadors from Afrasiab (Interpretation of Images) // Silk Road Art and Archaeology. Vol. 8. Kamakura, 2002. P. 1-46 (2,5 а.л.).

Тезисы докладов:

40. Костюм как элемент системы погребального ритуала у сарматов и поздних скифов // Скифо-сибирский мир (искусство и идеология). Тезисы докладов второй археологической конференции. Кемерово, 1983. С. 86-88 (0,1 а.л.).
41. «Сарматизация» и «эллинизация» костюма этносов Северного Причерноморья // XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Майкоп, 1984. С. 55-56 (0,1 а.л.).
42. Сарматские «жрицы» (I в. до н.э. - III в. н.э.) // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. Тезисы докладов III конференции молодых ученых Института археологии АН СССР. М., 1986. С. 183-184 (0,1 а.л.).

43. О семантике одного из элементов декора парадного костюма ранних кочевников // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Тезисы докладов. Ч. 2. Омск, 1987. С. 135-136 (0,1 а.л.).
44. Греко-римское влияние на костюм сармато-алан // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье. Тезисы докладов к семинару. Новочеркасск, 1987. С. 51-52 (0,1 а.л.).
45. К выделению специфических элементов костюма скифских аристократов на изображениях IV в. до н.э. // Тезисы конференции «Проблемы скифо-сарматской археологам Северного Причерноморья». Запорожье, 1989. С. 183-184 (0,1 а.л.).
46. «Островок Центральной Азии» в Закубанье (I-II вв.н.э.) // Древности Кубани (материалы научной конференции). Краснодар, 1991. С. 44-45 (0,1 а.л.) (соавт. А.М. Ждановский).
47. Сиракский союз в Прикубанье (Проблема увязки археологических и письменных источников) // Древности Кубани (материалы научной конференции). Краснодар, 1991. С. 108-110 (0,2 а.л.).
48. Скифские и сарматские элементы в искусстве Малой Скифии I-III вв.н.э. // Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов Международной конференции. Мелитополь, 1992. С. 109-110 (0,1 а.л.).
49. Характерные черты кушанского мужского костюма II-III вв.н.э. // Древний Амударья: проблемы истории и культуры Средней Азии. (Тезисы). Чарджев, 1993. С. 42-44 (0,2 а.л.).
50. Погребальные покровы сармато-аланок // Тезисы докладов международной конференции «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья»-П. Запорожье, 1994. С. 205-207 (0,2 а.л.).
51. Наборы амулетов среди атрибутов одной из групп знатных сармато-аланок европейских степей сер.I - сер.II вв.н.э. // «Вещь в контексте культуры». Материалы научной конференции. СПб., 1994. С. 85-86(0,1 а.л.).
52. Основные проблемы сарматологии и аланистики // Проблемы истории и культуры сарматов (Тезисы докладов международной конференции). Волгоград, 1994. С. 25-27 (0,2 а.л.).
53. Алано-славянские культурные контакты в VI-XIII вв. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тезисы докладов VII международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 1994. С. 86-88 (0,2 а.л.).
54. О точной дате и обстоятельствах прибытия посольств, изображенных на росписях Афрасиаба // «Узбекистан - вклад в мировую цивилизацию. Бухара и мировая культура». (Тезисы). Вып. 3. Ч. 1. Бухара, 1995. С. 13-16 (0,2 а.л.).
55. Некоторые культовые сюжеты в искусстве сарматов Северного Кавказа I в.до н.э.-I в.н.э. // Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н.э. Материалы конференции. СПб., 1996. С. 141-143 (0,2 а.л.).
56. О переосмыслении некоторых образов античного искусства сармато-аланами (сер. I - сер.III вв. н.э.) // Античная цивилизация и варварский мир (Тезисы докладов V археологического семинара). Новочеркасск, 1996. С. 19-20 (0,1 а.л.).
57. Письменные и археологические источники о государственности и общественном строе кочевых сармато-аланов I-IV вв.н.э. // Международная конференция «100 лет гуннской археологии». (Тезисы докладов). Ч. 1. Улан-Удэ, 1996. С. 152-156 (0,3 а.л.).
58. Костюмные связи народов Великой Степи в сарматское время: миграции? мода? дипломатические контакты? // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Тезисы докладов III Международной археологической конференции. Самара, 2000. С. 142-145 (0,2 а.л.).
59. О шаманстве у алано-осетин // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Ставрополь, 2001. С. 73-75 (0,2 а.л.).